

МАРИЭТТ ЛИНДСТРИН

Безупречное изображение
психологии и методов
манипулирования,
используемых сектами.
Daily Mail

СЕКТА СТУМАННОГО ОСТРОВА

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ИЗ ШВЕЦИИ
ТОП-ЛИСТ ЛУЧШИХ ТРИЛЛЕРОВ 2019 ГОДА
ПО ВЕРСИИ THE GUARDIAN

Мариэтт Линдстин
Секта с Туманного острова
Серия «Крафтовый детектив из
Скандинавии. Только звезды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48957704

Секта с Туманного острова / Мариэтт Линдстин: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-108435-6

Аннотация

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ИЗ ШВЕЦИИ
ТОП-ЛИСТ ЛУЧШИХ ТРИЛЛЕРОВ 2019 ГОДА ПО
ВЕРСИИ THE GUARDIAN

Мировая сенсация! Триллер-бестселлер, который отказались выпускать в Америке!

Захватывающее сочетание страха, сексуального напряжения и смертельного очарования.

Ты не выбирал их.

Они выбрали тебя.

Райский уголок Швеции, остров посреди океана, словно курорт для богатых гостей. Нетронутая природа, целительный воздух, прекрасный особняк с видом на море... Здесь обретается со своими последователями духовный лидер таинственного

движения «Виа Терра» Франц Освальд – молодой, обаятельный, завораживающий.

София, выпускница университета, только что расставшаяся со своим парнем и ищущая себя в жизни, буквально ослеплена им. Словно невидимая сила влечет ее к этому мужчине. И она легко соглашается остаться, хотя бы ненадолго. Но по мере того, как лето сменяется зимой, а туман сгущается над островом, оправдывая его название, София начинает понимать, куда она попала. Здесь царят рабский труд, насилие, страх и безысходность. Контакт с материком прерван. Телефоны и компьютеры запрещены. За несколько лет ни один человек не покинул усадьбу. Возможно, потому что ее стены опоясаны колючей проволокой, через которую пропущен ток...

«Мощный, пугающий и до ужаса правдоподобный экскурс в темный мир культа – его лидеров и рядовых последователей».

Карен Дионне

«Безупречное изображение психологии и методов манипулирования, используемых сектами».

Daily Mail

«Нервное обкусывание ногтей гарантируется».

Aftonbladet

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
1	14
2	24
3	34
4	48
5	60
6	76
7	85
8	96
9	108
10	119
11	131
12	144
13	155
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Мариэтт Линдстин

Секта с туманного острова

Предисловие

Что же такое секта?

Если задать этот вопрос людям, то окажется, что большинство из них имеют определенное представление о ней. Все «знают», что такое секта, и даже могут привести несколько примеров. Они также обычно высказывают суждения относительно того, люди какого типа вступают в секты, и, естественно, убеждены в том, что сами никогда туда не попадут.

Проблема заключается в том, что они заблуждаются.

Отчасти в этом можно винить СМИ, которые, как правило, сосредотачивают свое внимание лишь на странных проявлениях и экстремальных примерах. В результате ошибочного представления, часто распространяемого СМИ, люди на самом деле не учатся распознавать секты.

Один из способов – скептически относиться к странным идеям, но большинству это свойственно от природы, и учиться тут нечему. Кроме того, секту отличает не странность, хотя у многих подобных образований присутствует то, что можно счесть таковым. Нет, попасть вы рискуете не в

секту со странными идеями, а в сообщество, состоящее из исключительно приятных людей и имеющее близкую вашим собственным взглядам идеологию. Ни одна идеология также не защищена от фундаментализма. Фундаментализм и сектантство мы находим повсюду.

Обычно говорят, что любовь слепа. Вступление в секту во многом сходно с влюбленностью. Разница между нормальной влюбленностью и вступлением в секту заключается в том, что во время фазы ослепления на вас воздействуют, чтобы с помощью манипуляций заставить отказаться от свободы действий. Это можно сравнить с любовными отношениями, в которых присутствуют истязания. У всех сект есть для этого свои методы, но в конечном счете речь всегда идет о том, что вы, будучи членом секты, должны отказаться от свободы действий в пользу некоей высшей власти или учения.

Процесс этот происходит постепенно, и вы закрываете на него глаза, поскольку влюблены, но для вашего окружения он обычно становится очевиден довольно быстро. Это называется развитием личности сектанта, и данный процесс может идти стремительно. Когда вы уже угодили в такое положение, вас легко заставить делать в принципе все, что диктует учение или лидер секты: скажем, спровоцировать девушек на проституцию с целью добывания для группы денег, или заставить группу совершить коллективное самоубийство, или принудить членов секты вносить в организацию как можно больше денег.

Следовательно, отличительным признаком секты является не учение, а манипулятивные методы, применяющиеся, чтобы заставить людей отказаться от свободы действий, чтобы привязать их к группе и не давать им покидать ее. Выйти из секты бывает трудно именно потому, что человек отказался от свободы действий. Большинство в конце концов покидают группу, но это может потребовать массу времени; кроме того, многие бывшие сектанты свидетельствуют о психическом и физическом принуждении и демонстрируют психические проблемы, отсутствовавшие у них до вступления в секту.

Будучи дипломированным психологом, я употребляю часть своего времени на помощь людям, покинувшим секты, и стараюсь распространять знания о данной проблеме среди широкой общественности. Поэтому с радостью хочу рекомендовать этот роман. Он не только по-настоящему захватывает – это книга, которую следует прочесть, если хочешь получить углубленное понимание того, как людей втягивают в секты. Не думайте, что вы обладаете иммунитетом, – это может случиться с кем угодно и когда угодно. Особенно когда вы меньше всего это подозреваете.

*Хокан Иерво,
дипломированный психолог,
автор книги «Больные после сект»*

Пролог

Она долго лежала в темноте. Следила за временем по дыханию. Один вдох занимает три секунды. Выдох – еще три. Секунды складываются в минуты. Скоро час. Тогда будет пора.

Тьма крошечная. Не видно ни теней, ни контуров или цифр радио с электронными часами. Лежа она чувствует себя невесомой, будто парит. Но подсчеты не дают ей заснуть, хотя сейчас она настолько напряжена, что ей все равно не до сна. В голове крутится сомнение. Боязнь неудачи заставляет нервы дребезжать, точно расстроенную скрипку. Все мысли словно затуманены страхом. Лучше просто дышать, ни о чем не думая; просто лежать, пока не настанет время.

По окну что-то слабо постукивает, потом начинает упорно барабанить. Дождь, несмотря на все прогнозы. Она прокликает метеослужбу, думая о том, как трудно будет бежать через лес.

Ну вот, пора. Она осторожно выскальзывает из-под одеяла и встает на полу на колени. Шарит руками под кроватью. Нашупывает рюкзак, содержащий все необходимое и вместе с тем почти ничего. Здесь же кроссовки – такие, что достаточно просто всунуть в них ноги; времени на завязывание шнурков нет. Она аккуратно натягивает обернутую вокруг рюкзака куртку, влезает в кроссовки. Мелкими, осторожными

ми, неслышными шагами идет по полу. Тело кажется нереальным – и очень медлительным.

С одной из кроватей доносится бормотание, и она замирает. Кто-то переворачивается так, что кровать скрипит. Она выжидает, пока в комнате опять будет слышаться лишь глубокое дыхание. Делает последние шаги. Нащупывает ручку двери. Когда дверь открывается, из коридора проникает дуновение прохладного воздуха. Ночное освещение окрашивает белые стены коридора в бледно-желтый цвет. Кажется, будто она скользит по коридору. Открывает тяжелую металлическую дверь на лестницу, ведущую в подвал, где находится главный рубильник. Сейчас – самое важное: удача либо провал. У нее будет десять, возможно, пятнадцать минут. Потом они заметят ее отсутствие. Здешние порядки ей слишком хорошо известны. Когда пройдет первая растерянность, все соберутся и пересчитают персонал. Затем начнется охота на человека.

Я не боюсь, я не боюсь...

Она повторяет эти слова про себя, словно заклинание. Делает два глубоких вдоха. Еще можно передумать. Повернуть обратно. Забраться в теплую постель. Правда, если не бежать сейчас, то она уже никогда не решится... Эта мысль настолько невыносима, что придает ей мужества.

Когда она опускает рукоятку рубильника, раздается щелчок, треск, и становится настолько темно, что у нее захватывает дух. Покачнувшись в черной пустоте, она хватается за

стенку, ощупью добирается до аварийного выхода и открывает дверь. В лицо ей ударяет холодный, влажный воздух. Дождь, висящий завесой над двором, уже затопил и размочил газон, который жадно смыкается вокруг ее ноги.

В траве хлюпает, когда она бежит, теперь полностью предоставленная воле случая. Если не повезет, кто-нибудь увидит ее из окон усадьбы. Однако ничего не происходит. Слышно только, как барабанит по крышам дождь, выплескивается из сточных желобов вода и стучат ее шаги.

Садовая стремянка стоит прислоненной к стене. Слава богу!

Перебраться надо быстро, поскольку скоро включится резервный генератор, двор зальет светом, и колючая проволока наверху стены будет бить током.

Она взбирается по стремянке, осторожно нащупывает опору между острыми колючками ограждения и встает на скользкую стену.

Об этом мгновении она долго мечтала. Мечтала и страшилась его. Там, внизу, по другую сторону, обратного пути уже не будет. В сознании мелькает ликование, вновь сменяющееся страхом.

Она бросает вниз рюкзак и, оттолкнувшись изо всех сил, прыгает. Через колючую проволоку, прочь от опасности за спиной, в темноту. При приземлении в одной ступне у нее что-то хрустит. Она проводит по ноге рукой, уговаривая боль перестать. Ищет глазами начало тропинки. Находит.

Как безумная мчится вперед. Иногда проскакивает поворот и почти влетает в кустарник, но каждый раз возвращается на тропинку. Теперь она высоко парит на волне адреналина. Вперед. Только вперед.

Я не боюсь, я не боюсь...

Она старается различать препятствия на земле. Перепрыгивает через извилистые корни, пересекающие тропинку. Сердце колотится, в груди все горит. Сзади, из усадьбы, доносится вой сирены. В листве отражается блуждающий свет поисковых огней. Сейчас на какое-то время воцарится сумятица. Потом в погоню за ней бросят все силы.

Одежда отяжелела от воды, рюкзак врезается в плечи. Наконец между деревьями мелькает свет. Укрытие уже близко. Очень близко.

Она замедляет шаг. Останавливается. Ищет взглядом конец тропинки. В лесу слышится треск.

Сердце подкатывает к горлу. Мышцы сковывает паника. Из-за деревьев появляется Он и останавливается чуть впереди нее. У нее нет никаких шансов, бежать некуда. По обеим сторонам тропинки местность вязкая и труднопроходимая.

Разочарование безмерно. В груди все сжимается в большой, твердый узел.

Этого просто не может быть, но тем не менее это произошло: Он там стоит.

Где-то лает собака. Воет сирена.

Последнее, о чем она думает, – голос. Он вызывает у нее

одно полузабытое воспоминание.

Тебе никогда отсюда не выбраться. Просто чтобы ты знала.

В висках стучит кровь.

Из-под век обрушивается дождь мелькающих искр.

Потом волной накатывает головокружение и все вокруг чернеет.

* * *

Я даю шмелю немного полетать в маленьком аквариуме. Шмель пытается выбраться наружу, сердито жужжит, но лишь ударяется о стенки.

Потом, ненадолго сдавшись, он неподвижно сидит на лежащем на дне аквариума куске линолеума.

Я поднимаю стеклянную крышку, неспешно и осторожно. Затаив дыхание, медленно опускаю в аквариум руку с булавкой. Всего через миллисекунду шмель накрепко приколот к линолеуму. Он яростно жужжит, вертится вокруг булавки в безумном, но бессмысленном танце. Крыльишки иступленно работают, но с места ему не сдвинуться. Тут я вынимаю линолеум из аквариума, кладу перед собой и достаю пинцет.

Лили смотрит на меня, открыв рот. Проводит языком по нижней губе. Я ищу что-нибудь в ее глазах: страх или отвлечение, – но там присутствует лишь колоссальная глу-

бина, темная пропасть, которая манит и затягивает меня.

Однако же сначала имель.

Сперва я отрываю крылышки, потом ножки. Не тороплюсь. Раскладываю их по столу перед ней. Глупый имель по-прежнему жужжит, вертится вокруг булавки, теперь уже одним туловищем, будто у него есть шанс...

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает Лили.

– Меня это развлекает, – отвечаю я.

– Что именно? Вид его мучений?

– Нет, твое лицо, когда ты на это смотришь.

Когда я замечаю, что она слабо дрожит, у меня почти перехватывает дыхание.

Вот так все начинается. С маленького имеля.

1

Небольшой паром накренился на темной водной зыби. Они уже были почти у цели, но разглядеть остров не удавалось – утренний туман накрывал море, словно толстым одеялом. Горизонт отсутствовал.

Когда суша на другом берегу скрылась в тумане, София испытала облегчение. Расстояние до Эллиса увеличивалось. Уехать от него, пусть и ненадолго, было приятно.

В ее отношениях с Эллисом всегда присутствовало нечто суматошное и дикое – интенсивность, которая могла закончиться только катастрофой. Его жуткий нрав должен был бы насторожить ее, но поначалу ей казалось, что это лишь делает Эллиса привлекательным. Они ссорились буквально по любому поводу, и в конце концов он опозорил ее в Интернете. София настолько расстроилась, что чуть не провалила последний экзамен в университете. Справилась с грехом пополам. Как раз посреди этой катастрофы в ее почте появилось приглашение на лекцию Франца Освальда. Из-за этой лекции она сейчас и сидела на пароме, направляясь к незнакомому острову далеко в шхерах.

Вильма, лучшая подруга Софии, тоже сидела, вглядываясь в туман. Между ними чувствовалось небольшое напряжение. Легкое волнение в преддверии ожидающего их на острове.

Когда пришло приглашение на лекцию, София уже целое утро просидела за компьютером, «гугля» такие слова, как «перспективы на будущее» и «выбор карьеры», – и в итоге поняла, что это вовсе не помогает ей решить, как распорядиться своей жизнью. Прочитав мейл, она сначала пожалела о том, что тот не попал в спам.

Там значилось: «Лекция Франца Освальда о "Виа Терра"¹. Для тех, кто хочет научиться проходить путь земной».

Как, черт возьми, это делается? Ей показалось, что это звучит странно, но о Франце Освальде она уже слышала. О нем ходили слухи в университете. Он возник из ниоткуда, читая лекции про свое учение о правильной жизни, которое именовал «Виа Терра». Девчонки в основном болтали о том, что Освальд красив и в нем есть что-то мистическое.

София прочитала мейл снова. Убедилась в том, что «вход свободный». Подумала, что ей не повредит послушать, что может сказать этот Освальд. Послала эсэмэску Вильме, уговорить которую было совсем не трудно. Они теперь почти всё делали вместе.

На лекцию пришли поздно и уселись в первом ряду переполненного зала. Через всю сцену висел написанный круп-

¹ «По земле» (лат). – Здесь и далее прим. пер.

ными зелеными буквами плакат «"Виа Терра": мы идем путем земным!». В остальном стены были голыми, зал казался стерильным и сильно пах моющими средствами.

По залу пробежал удивленный гул, когда на сцену вышел Освальд с тачкой, до краев заполненной чем-то белым. Мукой или сахаром. София не могла рассмотреть, что это, поскольку свет был направлен на подиум и значительно слабее освещал место, где находился Освальд. Сидевшая рядом с ней женщина застонала. Кто-то позади нее прошептал: «Что это, скажите на милость?»

Освальд отставил тачку, немного постоял на месте, а потом вышел вперед и занял подиум.

– Сахар, – произнес он. – Столько средняя семья поглощает за три месяца.

Внезапно София пожалела о том, что пришла сюда; ей захотелось встать и уйти. Желание было настолько сильным, что по ногам пробежала дрожь. Она подумала, что на самом деле ей следовало бы искать работу, а не слушать лекцию, и что Освальд ее нервирует.

Высокий, хорошо сложенный, поверх черной футболки надет серый пиджак. Темные волосы зачесаны назад и собраны в хвост. Загар наверняка искусственный, но ему идет. Он нес ауру аккуратности и изысканности, но в то же время излучал нечто примитивное, почти животное. Однако что заставляло воздух трепетать от нетерпеливого ожидания – это, прежде всего, его бросающаяся в глаза авторитетность.

Он немного постоял молча. По залу распространилась более спокойная эмоция – предвкушение. Тут он заговорил в головокружительном темпе, лишь возраставшем по ходу лекции. Слова выпаливались, как из пулемета. В «пауэрпойнтовой» презентации Освальд демонстрировал различные изображения мозга, нервной системы, легких и тучных тел, павших жертвами ядов и стресса.

София начала понимать, что он проповедует, – некую философию из серии «Назад к Матушке-Земле», где корнем любого зла является все искусственное.

– Сейчас сделаем перерыв, – внезапно сказал Освальд. – Потом я расскажу вам о решении проблемы.

Вторая часть его выступления была спокойной и сдержанной. Теперь он говорил о необходимости спать в полной темноте, пить чистую воду и есть экологически чистые продукты. Ничего нового или сенсационного. Тем не менее в его устах это звучало как нечто новаторское.

– У нас есть также духовная часть программы, – проговорил Освальд. – Но это не то, что вы думаете, поэтому слушайте внимательно.

Он сделал паузу, и Софии показалось, что Освальд смотрит прямо на нее, отчего она заерзала на стуле. Продолжая, он не спускал с нее глаз.

– Вам надоело слушать о том, что необходимо физическое присутствие, что нужно жить настоящим? Нам надо прекратить слушать всех этих религиозных отшельников, пропове-

дующих, что смысл есть только в настоящем. Прекратить покупать их книги и курсы, рассчитанные на то, чтобы научить нас сидеть, глазеть и глубоко дышать. В «Виа Терра» мы не отрицаем прошлого. Мы черпаем из него силу.

Рука Софии непроизвольно взметнулась вверх.

– Но как вы это делаете?

– Как твое имя? – Освальд сдержанно улыбнулся.

– София.

– Хорошо, что ты спросила, София. Ответы присутствуют в наших тезисах. Телом занимается физическая программа, а для душевного развития существуют тезисы. В нескольких словах: ты учишься черпать силу из всего, что произошло в твоей жизни. Даже из плохих воспоминаний.

– Но как?

– Это становится понятным по мере чтения тезисов. И связано с интуицией. Когда человек прекращает отрицать прошлое, исчезает множество комплексов. Его возможности высвобождаются, и он волен вновь полагаться на свою интуицию.

– А можно прочесть ваши тезисы?

– Конечно, но необходимо пройти всю программу. У нас есть центр на Западном Туманном острове, неподалеку от побережья Бухуслена²; пристанище, где мы помогаем нашим гостям обрести правильный баланс в жизни. Усвоить тезисы можно только в совершенно спокойной обстановке. Поэтому

² Бухуслен – одна из западных провинций Швеции.

наш центр и располагается на острове.

Сидевший за Софией мужчина поднял руку.

– Вы представляете какую-то религию?

– Нет, мы, собственно, первая антирелигия.

– Антирелигия? Что это такое?

– Это означает: мы – полная противоположность тому, что вы больше всего ненавидите в религии, – ответил Освальд.

– Я ненавижу то, что в большинстве религий надо молиться Богу, – сказал мужчина.

– В «Виа Терра» мы не молимся Богу. Мы – реалисты, стоящие обеими ногами на земле.

С первого ряда поднялась полная рыжеволосая женщина.

– Я ненавижу все эти книги и тексты, которые нужно читать. И потом еще верить в это дерьмо.

Теперь засмеялись почти все.

– В «Виа Терра» у нас нет никаких книг. Есть лишь несколько простых тезисов, которыми мы пользуемся, но это добровольно.

Так продолжалось еще некоторое время. Освальд ловко расправлялся с вопросами. Теперь он был на коне.

Но тут встал мужчина в элегантном черном костюме и круглых очках.

– Имеются ли у вас научные доказательства? Это признанная наука или просто секта?

– Все, что мы делаем, базируется на здравом рассудке. Это не имеет никакого отношения к науке или религии. Ведь са-

мое главное, что это работает, не правда ли?

– А откуда известно, что ваша система работает?

– Приезжайте и испытайте сами. Или нет.

– Нет, я, пожалуй, воздержусь.

Мужчина пробрался между рядами стульев и покинул помещение.

– Ну и ладно, – пожав плечами, сказал Освальд. – Продолжим с теми, кто действительно заинтересован.

* * *

По окончании лекции при выходе из зала их встретили молодые люди в серых костюмах. Они проводили слушателей в просторный гардероб, где вдоль стен в ряд стояли несколько столов. Всем раздали ручки и анкеты. Пока София и Вильма заполняли бумаги, над ними стоял худенький парень с гладко зачесанными назад волосами и бородкой-эспаньолкой; едва они закончили, он жадно выхватил анкеты у них из рук. Подруги немного походили вокруг и пообщались с двумя девушками своего возраста.

Внезапно в помещении появился он. Возник за спиной у Софии. Первой его заметила Вильма и вздрогнула. Когда София обернулась, Освальд оказался совсем рядом. Только в непосредственной близости она увидела, какой он молодой: лет двадцать пять, максимум тридцать. Кожа гладкая, не считая намек на пару морщин на лбу. Подбородок широкий, а

щетина – такого типа, что никогда до конца не исчезает, – придавала его мягким чертам мужественности. Щетина и густые черные брови. Однако первым делом София обратила внимание на глаза. Взгляд у него был настолько пристальным, что ей стало не по себе. Да еще отчетливый запах его лосьона для бритья: лимон и хвойный лес. Человек далеко не обычный – стоя рядом с ним, это нельзя было не почувствовать.

Поначалу он ничего не говорил, и его молчание стало вызывать неловкость. София обратила внимание на его руки. Длинные, узкие пальцы с коротко подстриженными ногтями. Кольца нет. Выражение глаз непонятное. Она сглотнула и попыталась сообразить, что бы сказать, но обнаружила, что лишилась дара речи.

– У меня сложилось впечатление, София, что у тебя остались еще вопросы, – наконец проговорил он, делая акцент на ее имени.

– В общем-то, нет. Нам просто любопытно. – Голос у нее прозвучал как-то хрипло.

Освальд поднял и опустил брови и улыбнулся так, будто у них имеется общая тайна. Он прекрасно сознавал, насколько хорошо выглядит. Это раздражало.

– Приезжайте в гости. Я с удовольствием покажу вам наш центр. Без всяких обязательств. Просто проведу по нашим владениям.

Он протянул ей визитную карточку – зеленую с белым, с

печатными буквами.

– По телефону отвечает Мадлен, мой секретарь. Позвоните ей и условьтесь о времени.

Он ненадолго крепко придержал карточку так, что София не могла вытащить ее из его пальцев. Глаза у него сверкнули, и тут он отпустил карточку. София собралась было ответить, но он уже развернулся и направился в толпу. Вильма дернула Софию за рукав рубашки.

– Кончай на него пялиться. Давай съездим на этот остров и посмотрим их центр. Едва ли нам это повредит...

* * *

Она пару раз откашливается. Не знает толком, как это сказать. Я лишь смотрю на нее в упор, понимая, что ее это смущает, и наслаждаюсь.

– Нельзя заходить слишком далеко, – говорит она. – Я хочу сказать, это ведь может быть смертельно опасно...

– Разве не в этом весь смысл?

– Да, но... Ты понимаешь, что я имею в виду.

– Не совсем. Объясни.

– Я не хочу, чтобы остались отметины.

Я фыркаю.

– Ты можешь не снимать водолазку. Не капризничай. Тебе ведь это нравится?

Она невинно опускает взгляд. Это что-то новенькое. Ее

страх. Он прямо сочится из нее и заводит меня, приводит в чрезмерное возбуждение. Приходится пару раз глубоко вдохнуть, обуздать себя, чтобы не схватить ее и не встряхнуть хорошенько.

Я владею этим человеком. Она полностью в моей власти.

Она склоняется передо мной, как трава от ветра. Я перевоорачиваю ее на спину.

Чувствую, как ее затягивает в пустоту. Думаю о том, каков будет вечер.

– Фрекен сидит и мечтает?

Вопрос прозвучал от мужчины, ведущего паром, Эдвина Бьёрка. Он слегка полноват, с обветренным лицом и бакенбардами, от него пахнет дизелем и водорослями. На время путешествия София и Вильма пристроились возле него. Оторвавшись от воспоминаний о лекции, София посмотрела на Бьёрка.

– Нет, меня просто интересует, часто ли здесь летом бывает туман.

– Довольно часто, – ответил Бьёрк. – Остров называли Туманным не без причины. Впрочем, хуже всего осенью. Тогда туман бывает настолько густым, что мне не довести паром до места. Что вы собираетесь делать на острове?

– Собираемся навестить группу, которая размещается в усадьбе, «Виа Терра».

Бьёрк наморщил нос.

– Тогда вам следует быть осторожными. Это проклятое место.

– Серьезно? Вы шутите? – поинтересовалась Вильма.

– Нет, отнюдь не шучу. Там является призрак графини. Я видел ее собственными глазами.

– Расскажите.

И паромщик принялся рассказывать, так проникновенно

и убежденно, что София задрожала. Туман проникал под одежду, окутывая кожу, словно холодное одеяло. Пока Бьёрк говорил, перед глазами у нее мелькали картины. Жуткие картины, от которых никак не удавалось отделаться.

– Усадьбу построили в начале двадцатого века. Для шхер усадьба – редкость. Острова служили домом, главным образом, для рыбаков и строителей лодок. Однако графу фон Бэрнстену непременно хотелось жить именно здесь, поэтому он велел построить это злосчастное сооружение. Хотя его жена, графиня, не находила себе на острове места. Часто уезжала на материк. Там она влюбилась в морского капитана, с которым тайно встречалась. Однажды вечером в густом тумане корабль капитана сел на мель недалеко от острова и потерпел крушение. Стояла зима, вода была холодной, и все находившиеся на борту погибли. Огромная была трагедия...

– Это правда или просто легенда? – перебила его Вильма.

– Каждое слово – правда. Но слушайте, а то скоро подойдем к острову и мне придется причаливать.

Вильма умолкла, и они, затаив дыхание, продолжили слушать рассказ.

– Когда графиня узнала о том, какая участь постигла капитана, она вышла на утес, который мы называем Дьявольской скалой, и бросилась в ледяную воду навстречу смерти.

Бьёрк поправил кепку и задумчиво покачал головой.

– Когда же об этом узнал граф... У него, видимо, случился какой-то заскок, потому что он поджег усадьбу и пустил

себе пулю в лоб. Не окажись там слуг, все сгорело бы дотла. Усадьбу и детей удалось спасти, но граф был мертвее мертвого. После трагедии с кораблем на маяке установили туманный рупор. Когда он был, суеверные островитяне говорили, что это графиня стоит на Дьяволовой скале и зовет своего возлюбленного. Потом ее начали видеть на утесе. Всегда во время тумана. Она продолжала являться на протяжении многих лет.

– Наверное, это просто была игра воображения, – сказала София.

– Едва ли, – ответил Бьёрк. – Графиня была реальной, уж поверьте мне. В то же время оставшиеся на острове дети графа стали болеть, сгорели сараи... Напасти продолжались много лет, пока сыну графа это не надоело и он не переехал жить за границу. Усадьба долго пустовала.

– А дальше?

– Дальше беды продолжились. В конце девяностых усадьбу купил врач. Он жил там вместе с дочерью. Вынашивал большие планы, собирался устроить там какой-то дом отдыха. Но его дочь погибла во время пожара в одном из сараев. Говорили, мол, несчастный случай – но меня не обманешь. На этом месте лежит проклятье. – Бьёрк поднял вверх палец. – Я еще не закончил. В то же время один мальчик прыгнул с Дьяволовой скалы, ударился головой о камень и утонул. Его унесло течением. С тех пор нырять со скалы запрещено.

Софию заинтересовало, не выдумывает ли старик все это, но в его глазах не просматривалось ни намека на юмор.

Почему же этому Освальду захотелось устроить свой центр в таком месте? Это казалось совершенно невероятным.

– Значит, можно будет пойти и посмотреть на маяк, скалу и все остальное? – спросила Вильма.

– Да, маяк сохранился, но туманный рупор больше не используется. В остальном же ничего не изменилось. И усадьбой, как вы обнаружите, снова управляют психи. – Из его горла вырвался раскатистый смех.

– Вы знаете Освальда? – спросила Вильма.

– Нет, он слишком надменный, чтобы общаться с нами, селянами. Переправляясь на пароме, никогда не выходит из машины.

София посмотрела в туман. Ей показалось, что там, где следовало быть горизонту, она различает слабый контур.

– Вот она! – воскликнул Бьёрк.

Впереди начал величественно проступать остров: контуры елей на холмах, покоящиеся в гавани лодки и кое-где тени домов. До парома доносились крики чаек. Туман рассеивался. Бледное солнце, не сумевшее до конца пробиться сквозь тучи, висело на сером небе желтым шаром.

– Значит, увидимся на вечернем пароме, – сказал Бьёрк, подводя судно к пристани. – С острова ежедневно ходит два парома. Утренний – в восемь часов, вечерний – в пять.

Сойдя на берег, они сразу оказались в деревне, представлявшей собой летний рай: маленькие домики с зубчиками и башенками, магазинчики и мощенные булыжником улицы. Вдоль берега играли дети. В открытых кафе пили кофе отдыхающие. Еще только начинался июнь, а здесь отпускная жизнь была уже в разгаре.

Метрах в пятидесяти от места, где причалил паром, располагалась мощенная булыжником площадь с фонтаном. Там их уже ждала одетая в серую форму женщина, худенькая и почти такого же маленького роста, как София. У нее были светлые, собранные в узел волосы, бледное точеное лицо, большие, почти бесцветные глаза и белые брови.

– София и Вильма? Меня зовут Мадлен, я секретарь Франца Освальда. Я буду сегодня вашим гидом. Для начала мы бегло осмотрим сам остров, а потом поедem в усадьбу.

Она подвела их к припаркованному у площади автомобилю «комби» и открыла заднюю дверцу.

– По обеим сторонам острова вдоль берега идут дороги, – объяснила она. – А в глубине находятся в основном лес и торфяники. Но перед тем как ехать в «Виа Терра», я собиралась показать вам побережье. На северной оконечности острова есть видовая площадка, откуда можно посмотреть на Скагеррак.

– А где находится усадьба? – спросила София.

– В северной части. От видовой площадки туда легко пройти пешком.

Ландшафт на западном побережье был ровным, с песчаными пляжами и газонами, где имелись столики для пикника и оборудованные места для гриля. В парящую над морем солнечную дымку, точно мосты, уходили несколько причалов. Возле них покачивались привязанные лодки, а полосу пляжа окантовывали лодочные сараи. Берег восточной стороны острова оказался пустым и диким. Здесь от самой дороги в сторону моря шли обрывистые скалы.

Доехав до конца дороги, они остановились и припарковали машину. Прошли через большой, поросший вереском торфяник к видовой площадке, откуда скалы спускались прямо к воде.

Туман рассеялся. Солнце стояло высоко в небе. Насколько доставал глаз, все сверкало голубым цветом, кроме маяка на небольшом островке, сверкавшего белизной на солнце. София сразу обратила внимание на торчащую над морем огромную скалу. Она походила на трамплин.

– Этот утес вы называете Дьяволовой скалой?

Мадлен фыркнула.

– Не мы, а суеверные жители деревни. Но вы же видите, что это просто скала.

– По пути сюда нас предостерегали. Бьёрк, который вел паром, рассказывал нам про усадьбу жуткие вещи.

Мадлен покачала головой.

– Ах, да он просто сумасшедший. Так он пытается отпугивать наших гостей. С тех пор как мы сюда въехали, ост-

ровитяне проявляют безумную подозрительность. У них аллергия на любые перемены. Но мы не обращаем на это внимания... Давайте поедem в «Виа Терра»!

Немного проехав обратно по прибрежной дороге, они свернули на большую гравийную дорогу, по обеим сторонам которой стояли огромные дубы, а их кроны нависали над дорогой, словно купол, – и оказались перед воротами усадьбы; те оказались минимум три метра высотой, выкованными из железа и украшенными витым орнаментом, ангелами и демонами, и с огромной замочной скважиной.

– Сейчас вы достанете громадный ключ? – пошутила Вильма.

Мадлен лишь мотнула головой.

– Нет-нет, естественно, есть охранник.

Тут София его заметила. Он сидел во встроенной в стену будке. Охранник призывно помахал им рукой, и ворота медленно, со скрипом открылись.

София толком не знала, что ожидала увидеть за воротами. Возможно, большую жуткую развалину с зубцами и башнями. Вместо этого перед ними открылся настоящий дворец. Территория наверняка была по полкилометра в длину и ширину. Усадьба в центре имела три этажа. Фасад явно недавно обдули песком, и теперь он сиял белизной. Посреди газона перед дворцом находился большой пруд, где плавали утки и два лебедя. На площадке перед входом стоял флагшток, но не с сине-желтым шведским флагом, а с зелено-белым.

Вдоль западной стороны стены располагалась утопленная в рощице цепочка домиков. Позади здания усадьбы виднелась стена сарая, а вдали находился загон, где паслись овцы. Людей было почти не видно – двое сидели и пили кофе в саду, перед домиками, и два человека в форме поспешно шли через двор.

София вновь посмотрела на здание и заметила, что в верхней части фасада на стене что-то вырезано большими буквами.

«Мы идем путем земным».

Совершенно пораженная, она рассматривала это великолепие. Обменявшись многозначительным взглядом с Вильмой, обратилась к Мадлен:

– Какая усадьба!

– Правда, потрясающе? Мы крепко поработали. У Франца была мечта, и можно сказать, что нам удалось воплотить ее в жизнь.

София инстинктивно почувствовала, что здесь есть нечто притягательное, причем не только красота. Поместье отличало кое-что еще. Необычайный покой. Казалось, словно они перенеслись в параллельную вселенную, где одновременно отключились все телевизоры, мобильные телефоны, компьютеры и планшеты. Будто за толстыми стенами смолкло вечное гудение мира. Вместе с тем здесь царила непонятная, слегка настораживающая атмосфера. В чем она проявлялась, София определить не могла. «Здесь так красиво, что

дух захватывает, и тем не менее меня пробирает дрожь», – подумала она.

Однако тут же отбросила эту мысль. Решила, что у нее, наверное, застряли в голове истории Эдвина Бьёрка про привидения.

– Сейчас вы увидите усадьбу, где мы работаем, – сказала Мадлен. – Потом я покажу вам дома, где наши гости проходят программу.

Софию заинтересовало, там ли Освальд. Она провела взглядом по многочисленным окнам усадьбы, подумав, что тот, возможно, наблюдает за ними сверху. И поймала себя на том, что ей хочется вновь встретиться с ним.

* * *

Костер почти погас.

Под обуглившимися деревяшками подрагивают последние огоньки.

Мы погружаемся в темноту. Я едва различаю черты ее лица.

Она подбрасывает еще немного деревяшек и снова раздувает яркий костер.

В свете языков пламени она походит на ведьму: густые рыжие волосы, кошачьи глаза...

– Что он с тобой делает? – спрашиваю я.

– Тебе известно, что он делает, – отвечает она, отвора-

чивая лицо.

– Я не хочу, чтобы этот старый мерзавец тебя касался.

– Ах, да он просто старая омерзительная скотина. Только лапает. Готов на все, лишь бы я ему это позволила. Так бывает, если тебя удочерили. Они считают, что владеют тобой. Улавливаешь?

– Но до конца он не идет?

– Господи, нет. Он не из таких.

– Я думал, он занимается этим с матерью...

– Отличная идея. Они наверняка составили бы хорошую пару.

У меня перед глазами мелькает картина: его голова на туловище комара. Глупого комара, который летит на огонь и сгорает.

– Когда я закончу с тобой, ты еще будешь по нему тосковать, – говорю я.

Она наконец смеется.

Из огромных окон, за лесом виднелось море. Волны, накатывая, разбивались о скалы так, что взлетала пена.

Они находились на третьем этаже усадьбы, где работал персонал. Мадлен быстро провела их туда по лестнице. Она объяснила, что первые два этажа отведены под жилье персонала и там по-прежнему идет ремонт. Внизу пахло сырым бетоном и опилками. Из комнат доносился звук столярного станка, и им пришлось перешагнуть через большой рулон изоляционного материала, лежавший перед лестничной площадкой.

Наверху ничего ремонтировать не требовалось. Все было сверкающе-белым или светло-серым: стены, потолки и мебель. Никаких перегородок, одно большое офисное пространство с письменными столами и стоящими кое-где компьютерами. Персонал, казалось, мог усаживаться где угодно. Атмосфера расслабленная. Сплошные улыбки и любезные кивки. В дальнем конце большой комнаты имелось две двери. Мадлен заметила, что София на них поглядывает.

– Там располагаются офисы Франца и руководителя персонала, – пояснила она. – Все остальные работают здесь. Разумеется, за исключением тех, кто занят с нашими гостями и в сельском хозяйстве.

София вновь посмотрела на двери. Задумалась, не выйдет

ли Освальд и здесь ли он вообще, но спрашивать об этом не хотелось.

– Значит, вы занимаетесь сельским хозяйством? – спросила Вильма.

– Да, мы почти полностью себя обеспечиваем, – с гордостью ответила Мадлен. – Выращиваем здесь все необходимые овощи и фрукты. Производим собственное молоко и масло. Даже завели овец. Усадьба обогревается геотермальным теплом. Здесь, наверху, мы, собственно, являемся обслуживающим персоналом Франца. Занимаемся административными делами, почтой, закупками и тому подобным, чтобы Франц мог концентрироваться на своих лекциях и исследованиях.

– Можно ли немного узнать о Франце Освальде? – спросила София. – Откуда он и чем занимался раньше?

– Это не имеет значения, – поспешно и слегка раздраженно ответила Мадлен. – Франц хочет, чтобы мы сосредотачивались на гостях и программе, а не на нем. Он – тот, кто есть. Наш руководитель.

София понаблюдала за ней со стороны. Мадлен выглядела встревоженной и несколько отсутствующей.

– Но вы не молитесь на Освальда и не поклоняетесь ему?

– Конечно, нет! Ты ошибаешься, если думаешь, что мы – какое-нибудь фанатичное религиозное движение. – Голос Мадлен повысился до фальцета.

Беседа начала выбиваться из колеи, но тут инициативу

взяла на себя Вильма. Она так ловко развернула разговор в нужное русло, что Мадлен, вероятно, даже не заметила, как ее напряженное лицо разгладилось. Вежливые вопросы и лесть:

Здесь работает пятьдесят человек, надо же! Чем они занимаются?

Какую потрясающую работу вы проделали с усадьбой!

Вильма умела умаслить кого угодно.

Слушая вполуха, София опять оглядела большое офисное помещение. Нравится ли здесь персоналу на самом деле? Она подумала, что если все сказанное Мадлен – правда, то это место, безусловно, можно считать организацией с благоприятной в профессиональном отношении средой.

Внезапно рядом с ними возникла девушка в кухонной униформе.

– Ланч накрыт в столовой для гостей! – возвестила она.

– Вот как, – сказала Мадлен. – Сейчас вы сможете попробовать кое-что из того, что мы здесь выращиваем.

Столовая оказалась большой и светлой, с высокими продолговатыми окнами. Хорошо отполированный деревянный пол был почти полностью покрыт коврами из овечьих шкур. Стулья и столы были белыми. В отличие от обычных заведений здесь не пахло чадом, а из кухни доносился легкий запах морских водорослей и рыбы. Из динамиков на стенах струилась приглушенная классическая музыка. Почти за всеми столами сидели гости, но тем не менее было на удивление

тихо. Царила умиротворенная атмосфера, как в храме или в «сонном» баре³ далеко за полночь. София поймала себя на том, что говорит шепотом.

Ее взгляд беспрестанно устремлялся к другим столам, чтобы посмотреть, не знает ли она кого-нибудь. Мадлен говорила им, что многие из гостей – знаменитости. Правда, остальные столы стояли немного подальше, а пялиться ей не хотелось.

Ланч состоял из томатного супа и рыбы с овощами и травами. Доев, София почувствовала легкое прикосновение к плечу. Она обернулась и увидела Освальда, стоявшего, положив руки на спинку ее стула. Он выглядел сердитым. Просто разъяренным.

– Как давно вы здесь? – Не дожидаясь ответа, обратился к Мадлен: – Их пригласил сюда я, и мне хотелось показать им все самому.

Его голос звучал сдержанно и спокойно; тем не менее его недовольство распространялось над ними, словно грозовой фронт. Он был одет не в форму, а в черные джинсы и облегающую белую футболку, подчеркивающую его мускулы и загар. Поздоровался с гостями за руку и улыбнулся, однако теплота быстро исчезла из его улыбки.

Щеки Мадлен стали пунцовыми. Она так низко склонила голову, что почти касалась подбородком груди.

– Я подумала, что ты очень занят, и хотела помочь... По-

³ В «сонном» баре посетители могут не только выпить, но и поспать.

считала, что у тебя есть более важные дела, – почти прошептала она.

– Можешь идти. Я беру их на себя, – сказал он, махнув рукой так, как отмахиваются от мухи.

Мадлен выскользнула из-за стола и удалилась по проходу столовой мелкими, семенящими шагами.

Освальд повернулся к Софии и снова улыбнулся, но раздражение в его взгляде еще сохранялось.

– Я действительно хотел встретиться с вами, но не знал, что вы приедете именно сегодня, и мой день, как вы слышали, полностью расписан. Однако мы, по крайней мере, можем посмотреть на дома для гостей. Поездка на пароме прошла приятно?

– Да, нам всё рассказали о привидении в усадьбе, – сказала София, не успев сдержаться. Всеми виной ее проклятый длинный язык.

Освальд лишь засмеялся.

– Да, этот Бьёрк создает нам отличную рекламу... Людей привлекает темная история усадьбы: «Приезжайте сюда и повстречайтесь со злой графиней!» Надеюсь, вы во все это не верите?

– Конечно, нет, – поспешно откликнулась Вильма, уцепив Софию за мизинец.

– Хорошо, – сказал Освальд. – Тогда начнем экскурсию! Он открыл перед ними дверь столовой и повел их к домикам. Идя совсем рядом с Софией, подхватил ее рукой под

локоть, словно направляя в нужную сторону. Легкое прикосновение, едва заметное, но явно намеренное касание заставило ее затрепетать от удовольствия.

Она была не из тех, кому парни оборачиваются вслед на улице. Тем не менее Освальд притянул ее поближе, хотя рядом шла Вильма с красивой фигурой и уверенной походкой.

Перед тем как они оказались у домов, его рука коснулась места чуть выше ягодиц, где сосредоточены нервы; от этого прикосновения у нее почти перехватило дыхание.

Домики напоминали бытовки с рядом пронумерованных дверей, но их основательная древесина и массивные металлические ручки свидетельствовали о качестве постройки – дорогостоящий реновационный проект, в точности как усадьба.

– Сейчас посмотрим! – вынимая из кармана ключ, произнес Освальд. – «Пятерка» сейчас должна пустовать. Это стандартная комната. Почти все они одинаковы.

Комната на самом деле оказалась гостиничным номером, состоящим из гостиной, спальни и ванной. Внутри по-прежнему пахло новым деревом и пластиком.

Они с любопытством оглядывались. Освальда интересовало лишь описание освещения и вентиляции, которые, по его словам, были совершенно новаторскими.

– Верхний свет содержит ультрафиолетовое излучение, поэтому зимой не ощущается нехватки солнечных лучей. Вентиляция постоянно подает свежий воздух, и если он хо-

лодный, то автоматически подогревается. Все стены снабжены звукоизоляцией, так что не возникает никаких помех для спокойного сна. Как видите, здесь отсутствуют телевизор и компьютер. Во время пребывания у нас гости не пользуются также собственными мобильными телефонами. На крайний случай у нас есть компьютер в общей комнате. Но главной целью является покой. Человек должен решиться отказаться от всего, что считает необходимым, ради того, чтобы найти то, что действительно необходимо.

Освальд сделал паузу, чтобы удостовериться, что они следят за его мыслью.

– Самое главное – это спальня. Пойдемте, я вам покажу. Он завел их в комнату, закрыл дверь, нажал на кнопку, и на окна опустились черные шторы. Стало совсем темно.

– Свет сюда вообще не проникает, – услышали они его слова. – Вы не различите даже контуры мебели. Вот так нужно спать, чтобы тело полностью отдыхало. Впечатляюще, правда?

София, содрогнувшись, судорожно ухватила за рукав Вильмы. Это напомнило ей о том, как она в детстве впервые спала за городом. Посреди ночи проснулась в полной темноте и подумала, что ослепла. Кричала как ненормальная, пока мама раз сто не зажгла верхний свет, чтобы показать ей, что она видит. Тем не менее с тех пор София безнадежно боялась темноты.

Наконец Освальд снова зажег лампу и вывел их на днев-

ной свет. Потом они отправились в рекреационный отсек, где имелись сауна, бассейн с морской водой и спортзал. В одном углу зала стояло нечто, напоминающее трехметровой высоты металлическое яйцо.

– Что это такое? – спросила София.

– Туда можно зайти и тренировать свои ощущения. Звук, свет, краски и температура – все впечатления, в повседневной жизни набрасывающиеся на человека вперемешку. В яйце, как мы его называем, человек воспринимает их по отдельности. Это важная часть программы.

Они прошли мимо большого класса, где сидели и занимались люди. Некоторые читали тексты, другие сидели неподвижно, с закрытыми глазами.

– Здесь мы изучаем тезисы.

У Софии на языке вертелись комментарии и вопросы, но Освальд посмотрел на наручные часы – и словно вдруг заторопился.

– Ферму и теплицу вам придется посмотреть в следующий раз, – проговорил он. – Однако прежде чем вы поедете домой, я хочу вам кое-что показать.

Он подвел их к отдельно стоящему дому, расположенному рядом с цепочкой жилых домиков, – деревянному, с открытой террасой; возможно, раньше в нем жила прислуга. София ожидала вновь увидеть внутри какое-нибудь суперсовременное оборудование, но никаких предметов в доме не оказалось – лишь пол, стены и бесконечные стеллажи. При-

ятно пахло деревом и олифой, а только что пробравшееся в окна послеполуденное солнце образовывало на полу золотистую дорожку.

– Тут у нас будет библиотека, – пояснил Освальд и многозначительно посмотрел на Софию.

– Вот как... – произнесла она с сомнением.

– Я слышал, что ты крупный специалист по литературе и обожаешь книги.

– Где ты об этом слышал?

– В анкете, которую ты заполняла после лекции, было написано, что ты только что сдала выпускной экзамен по литературоведению. – Он опять многозначительно посмотрел на нее. – Мне нужен человек, способный создать здесь настоящую библиотеку. С книгами, соответствующими нашей философии. Никаких финансовых ограничений нет. Важно только, чтобы все было правильно.

– Тебе нужен библиотекарь?

– Нет. Меньше всего я хочу получить библиотекаря с устаревшими идеями о том, что должно присутствовать в библиотеке. Мне нужен человек, способный мыслить самостоятельно. Поэтому, прочитав анкету, вспомнил о тебе. А потом увидел, что Вильма тоже изучала литературоведение, и подумал, что, возможно, нашел двух подходящих для этой работы людей.

София была поражена. Он предложил им работу!

– В чем загвоздка?

– Вы, разумеется, должны стать частью персонала. Мы работаем по контракту. Подписываем его каждый раз на два года. И я не знаю, если у вас есть бойфренды...

– Бойфрендов у нас нет, но никаких контрактов мы подписывать не станем, – сразу же заявила София. – Как бы заманчиво это ни звучало.

Вильма кашлянула. Маленькое предупреждение, означавшее, что София вновь переходит границу вежливости. Однако Освальд не выглядел обиженным, скорее заинтересованным.

– Я так и думал. Но у меня есть предложение. Приезжайте сюда на две недели и пройдите ту же программу, что и гости. Без оплаты и обязательств. Если по ее завершении вам по-прежнему не захочется заниматься библиотекой, вы просто уедете обратно домой.

София и Вильма ошеломленно смотрели друг на друга. Вильма уже открыла было рот, и София знала, что сейчас услышит: поездка с мамой на Родос, стажировка в газете и так далее и тому подобное... Но Вильма снова закрыла рот и улыбнулась Освальду.

– Мы можем спокойно обсудить это и позвонить?

– Конечно! Приятно было видеть вас здесь. Звоните, когда что-нибудь решите. Я скажу Мадлен, чтобы встретила вас в столовой и проследила за тем, чтобы вам до отъезда домой дали кофе.

Уже уходя, Освальд вдруг обернулся и посмотрел на Со-

фию в упор.

– Ты кажешься проницательной. Ты наверняка чувствуешь, что это место совершенно особое.

Подмигнув ей, он развернулся и удалился.

* * *

На пароме по пути домой царил тишина. София почти не слышала криков чаек, плеска воды или умиротворяющего тархтения мотора. Разрозненные мысли металась у нее в голове, точно маленькие демоны. Спокойная, хорошо организованная атмосфера в усадьбе резко контрастировала с ее собственной хаотичной жизнью. Да и мысль о работе с книгами манила.

Вильма стояла, уставившись на пену, возникавшую, когда паром разрезал водную гладь, и тоже была на удивление молчалива.

– Черт возьми, какое место! – произнесла она.

София засмеялась.

– Будто другая вселенная?

– Я считаю, что тебе нужно испробовать эту программу.

– Без тебя?

– Я ведь обещала поехать с мамой на Родос, и потом, нельзя упускать новую работу. К тому же совершенно очевидно, что он заинтересовался именно тобой. Когда смотрел на тебя, в воздухе прямо искры летали.

Лицо Софии вспыхнуло.

– Ах, прекрати!.. Но, как знать, может, я и попробую...

Правда, никакой контракт подписывать не стану.

– Конечно, нет, – поддержала ее Вильма.

София вновь вернулась к бурлящему в голове морю мыслей.

Но вот у горизонта начал обретать форму материк, вернулись звуки моря и паромного мотора. Море словно представляло собой мост между двумя мирами: настоящим миром, к которому они направлялись, – и странным, прекрасным миром, где они только что побывали.

София не знала, был ли этот мир, который она только что открыла, приближающимся приключением – или просто зловещим миражом.

* * *

Он замечает меня, только когда я подхожу к нему почти вплотную.

Он чинит сетку для кур, стоит на земле на коленях. Положил садовые перчатки рядом с собой и держит в руках проволоку.

Все его существо вызывает у меня отвращение. Начиная лысеть на макушке голова, пот, выступивший бусинками на затылке, и идущий от него резкий запах грязи, земли и травы.

Я наклоняюсь вперед и, почти касаясь губами его уха, произношу: «Привет, доктор!»

Громко.

Он вздрагивает и явно испытывает облегчение, увидев, что это я. Мне думается, что, сидя в грязи, он выглядит, как маленький поросенок.

– О, привет, Фредрик! Как приятно.

– Не так уж и приятно, – говорю я.

– Что ты имеешь в виду?

– Не так уж и приятно то, что ты вытворяешь с Лили.

Его лицо вдруг совершенно обнажается, и он уже открывает толстые выпяченные губы. Но я прерываю его прежде, чем он успевает облечь мысль в слова.

– Не надо ничего говорить. Я все знаю, улавливаешь? Она все мне выложила, но сплетничать я не намереваюсь. Чего ради?

Он опять предпринимает попытку что-то сказать, но я поднимаю руку. Ловлю кайф, ощущаю опьянение от силы и власти. Он щурится на меня – солнце светит мне в спину. Я хочу, чтобы он так меня и видел – как подсвеченного сзади ангела правосудия.

– Просто оставь нас в покое, – говорю. – И еще я хочу получить доступ к чердаку. Мне надо там кое-что поискать.

– Конечно, чердак в твоём распоряжении, Фредрик. Но что, скажи на милость, тебе поведала Лили? – Он собирается подняться, но я просто поворачиваюсь к нему спиной.

– Ты прекрасно знаешь, что она рассказала, – бросаю, уходя.

Я так доволен, что вынужден подавлять желание исполнить прямо на солнце маленький победный танец. Теперь Лили принадлежит только мне, и у меня полная свобода действий в усадьбе.

Сколько себя помню, у меня имелся план. Грандиозный план.

Этот человек – всего лишь мелкая частица моего плана. Кстати, для его же блага.

Проснувшись, София обнаружила, что в комнате необычно темно. Она чувствовала себя отдохнувшей, однако что-то было не так. Поискала глазами электронный будильник, но темнота не рассеивалась. На короткое мгновение от боязни темноты у нее перехватило горло; потом она сообразила, где находится. Далеко от дома, на острове. Здесь такие порядки: ни малейшего света, когда спишь. Правда, она, вопреки запрету, оставляла открытой маленькую щелочку с края шторы.

София на ощупь нашла рукой кнопку на спинке кровати, нажала на нее, и комната постепенно наполнилась теплым, щадящим светом. Стал виден будильник. Четверть одиннадцатого! Она опять проспала. Ей велели использовать свои ментальные часы: реши, когда надо вставать, и проснешься. У нее пока не получалось.

Завтрак подают только до десяти, но ничего страшного. До ланча можно погулять по острову. София пробыла здесь три дня и проходила первую ступень программы, именуемую «расслаблением». По сути, это означало лишь, что человек ест, спит и гуляет. И еще несколько часов того, что называлось «бескорыстным трудом» – иными словами, все становилось бесплатной рабочей силой, трудясь на полях или копаясь в саду. Впрочем, никакой роли это не играло – прополка

клумб казалась просто отдыхом. Сегодня Софии предстояло встретиться с персональным куратором и получить свою программу, что вызывало у нее большое любопытство. Однако больше всего ее интриговали тезисы Освальда.

На улице было пасмурно, безветренно и тихо, лишь блеяли несколько овец. Она решила дойти до видовой площадки и немного посмотреть на море. От усадьбы туда вела тропинка, но на этот раз София пошла через лес – ей хотелось проверить свою способность ориентироваться на местности.

Лес состоял в основном из сосен и берез, плотно выстроившихся симметричным узором. Кое-где пытались бороться за солнце дуб или ель – да так и оставались низенькими и тонкими в тени мощных сосновых крон. Ночью прошел дождь, и в лесу пахло мокрым мхом и землей. Кроны лиственных деревьев казались тяжелыми из-за сохранившихся на них капель дождя.

София сразу заблудилась, но тут услышала звук бурлящей воды, протекающей между деревьями речки. Вода неслась с такой скоростью, что ясно было – она бежит откуда-то сверху.

Идя вдоль речки, София вышла на поляну, остановилась и с наслаждением вдохнула влажный воздух. Внезапно она почувствовала, что за ней наблюдают. Подняв взгляд, тотчас увидела птицу, сидевшую на сосновой ветке прямо перед ней и пристально на нее смотревшую. Канюк? Орлан? Он полностью игнорировал ее взгляд. София проклинала запрет «Виа

Терры» на мобильные телефоны, лишивший ее возможности сделать потрясающий снимок. Но тут в лесу что-то затрещало, и магия нарушилась. Птица взмахнула крыльями и с мяукающим жалобным криком взмыла в серое небо. София пошла дальше. Вскоре за деревьями показалась видовая площадка.

За поросшим вереском торфяником, прямо перед местом, где обрываются скалы, стояла скамейка. София села и стала смотреть на море. Небо прояснялось. Позади облачной завесы, у горизонта, поднимались другие облака, толстые и пушистые, точно направляющиеся к острову великаны. София устремила к ним взгляд и размечталась. Долго сидела она так, совершенно неподвижно...

Ее вернуло к действительности бурчание в животе. Когда София почти бегом добралась до усадьбы и вошла в столовую, часы показывали половину первого. Ожидая, что ей принесут поесть, она заметила новую гостью – оперную звезду Эллен Вингос, в одиночестве сидевшую за столом перед большой порцией еды. Как раз когда тарелку Софии ставили на стол, ее внимание отвлекло покашливание. Перед ней стоял почти неестественно худой парень и улыбался. Она сразу узнала его по лекции Освальда в Лунде. Этот парень тогда настоял на том, чтобы они с Вильмой заполнили анкеты.

– София, меня зовут Улоф Хуртиг, я твой персональный куратор. Наслаждайся едой, а потом я хотел бы встретиться с тобой в моем офисе. Мы составим тебе программу.

У него была маленькая борода-эспаньолка, которая слегка подпрыгивала, когда он говорил.

– Да, конечно. Офис находится в главном здании?

София надеялась столкнуться там с Освальдом. Сегодня она пока его не видела.

– Нет, гостей мы всегда обслуживаем в домиках. Офисы располагаются прямо рядом со спортзалом. Я буду ждать тебя там в маленькой комнате.

Она съела все, быстро и жадно.

Хуртиг ждал ее, сидя за письменным столом, в маленькой комнатке позади спортзала. Стул для посетителей был таким низким, что сидящий по другую сторону стола превращался в Бога.

– Сейчас посмотрим... У меня имеется твоя папка. – Хуртиг открыл лежащее перед ним досье.

– Папка? Я не знала, что у меня тут есть какая-то папка.

– Не волнуйся. Все, что ты здесь скажешь, будет строго конфиденциально. Мы обязаны соблюдать профессиональную тайну.

– Но ведь я приехала только три дня назад. Как у вас уже могла появиться моя папка?

– Здесь только твоя анкета и несколько записей из интервью, когда ты впервые приехала на остров.

В папке лежала целая куча бумаг, а не несколько листов, но Хуртиг продолжил говорить раньше, чем она успела на это указать.

– Я вижу здесь некую модель поведения, – задумчиво произнес он. – Кто-то причинил тебе боль и беспокойство. Большую обиду. Возможно, ты потерпела неудачу в отношениях, верно?

Голова пошла кругом. Неужели он проверял ее по Интернету? Откуда иначе он мог бы узнать обо всем этом?

– Может, и так, но откуда тебе известно...

Улоф заерзал в кресле. Похоже, не в силах сидеть спокойно, он наклонился над письменным столом, явно довольный тем, что ему удалось задеть ее за живое.

– Не удивляйся. Читать людей – это наша работа. Лучше поговорим о твоей программе. Как мы можем помочь тебе обрести контроль над собственной жизнью.

Он принялся исступленно что-то писать на листе бумаги, периодически довольно кивая. Закончив, показал бумагу ей.

8.00–10.00: мотцион и дыхательные упражнения.

10.00–12.00: бескорыстный труд...

Далее расписание включало питание, время в яйце и изучение тезисов по вечерам. Софию заинтересовало, чем оно могло отличаться от программ других участников, но спросить она не успела, поскольку Хуртиг уже встал, протягивая ей руку.

– Было приятно пообщаться. Удачи с программой!

Он отрывал от нее взгляд, только пока писал программу. Сейчас тоже смотрел в упор, в полной уверенности, что она

встанет и уйдет. Так София и сделала: ноги сами двинулись вперед, и тело последовало за ними. Потом появился импульс вернуться, потребовать посмотреть все, что есть в ее папке. Впрочем, какое это имело значение? Сказанное им могло подойти кому угодно. Разве существуют девушки, у которых за плечами нет пары неудач в отношениях?

Через несколько дней София впервые увидела летний домик. Расписание у нее теперь было более строгим, но в нем по-прежнему присутствовало время для утренних прогулок. Предполагалось, правда, что они будут проходить в быстром темпе, чтобы стимулировать кровообращение, но в тот день София просто бродила.

Она вернулась к поляне. В кармане у нее лежал «Айфон» – на случай, если снова появится орел. Естественно, дерево, на котором он сидел тогда, пустовало, но зато сквозь листву София различила что-то красно-коричневое. Всего метрах в двадцати от поляны, прямо посреди леса, находился летний домик. Он был маленьким, а прилегающий участок занимал всего пару сотен квадратных метров.

Перед домом висел старый гамак и стояли несколько потертых садовых стульев. Шторы на окнах были опущены.

Она вошла на участок. Кто-то, видимо, не так давно был здесь, поскольку возле стены стояла тачка, наполовину заполненная прошлогодними листьями. Позади дома София обнаружила лейку, пустые горшки и мешок садовой земли. Она вернулась ко входу и подергала за ручку двери. Та от-

крылась. Сознывая, что вторгается на чужую территорию, София все-таки вошла в дом. Первая комната совмещала в себе кухню и гостиную, с газовой плитой, кухонным столом и диванчиком. Связанные вручную кружевные занавески пожелтели от чада и пестрели пятнами мушиного помета. Из-за сырого, влажного воздуха немного отдавало затхлостью, но плесенью не пахло. В углу находился камин, возле которого рядом с дровами лежала аккуратная стопка газет.

София подняла одну газету и посмотрела на дату. Та оказалась почти годичной давности.

В доме имелась еще одна комната – спальня, с односпальной кроватью и комодом. Обои белые, с рисунком из пляжных мячиков и ракушек. На кровати лежало покрывало, связанное таким же белым кружевным узором, как и кухонные занавески.

София нашла ванную комнату. Там оказались только туалет и раковина, душ отсутствовал. Заинтересовавшись, можно ли пользоваться раковиной, она повернула кран. Раздался хрип, и потекла тонкая струйка воды. «Невероятно, – подумала София, – прямо посреди леса!» Она знала, что пора идти, чтобы успеть выполнить программу, но не могла оторваться.

В гостиной стоял пыльный комод. Верхний ящик был заполнен газетными вырезками. На полочке перед комодом лежал клочок бумаги. София подняла его. Это оказался билет на паром со вчерашней датой. Внезапно ей показалось,

что за ней наблюдают, и она поспешно обернулась. Входная дверь хлопала от ветра, и ее петли скрипели, но в доме было пусто. София бросила билетик на половик и вышла. Солнце, отыскав щель между деревьями, светило на газон перед домом.

Поблизости никого не было.

* * *

В тот вечер она ужинала вместе с мужчиной и женщиной лет пятидесяти. Мужчина представился как Вильгот Эстлинг, начальник полиции лена, а его жена, Эльса Эстлинг, оказалась аудитором. Эллен Вингос, явившись на ужин, тоже подсела к ним. Эллен была крепкого телосложения, с живыми карими глазами и смуглой кожей. Она обладала кудахчущим, заразительным смехом и задавала тон в беседе маленькими веселыми историями о жизни оперного мира. Общение с ней не могло не нравиться. Супруги Эстлинг говорили о том, какая у них великолепная программа, употребляя такие слова, как «близость к природе», «спокойствие» и «жизненные силы».

– А как дела у тебя, София? – спросила Эллен.

– В общем, хорошо; я только что получила свою программу.

– Я тоже. Парень, который давал мне ее, наверняка умеет читать мысли. Или он выискал все обо мне в Сети... В любом

случае, немного отдыха не повредит.

– Для меня это значит гораздо больше, – сказала Эллен Эстлинг. – Такое ощущение, будто я наконец расслабилась после стресса на работе. Я чувствую себя спокойной, как удав.

Ее муж согласно закивал.

– Я знаю Франца с тех пор, как он организовал «Виа Терра». Если кто и в силах справиться с проклятым стрессом, мучающим нас в этой стране, так это Франц. Он создал для нас здесь настоящий оазис.

– А что произойдет, когда вновь вернешься домой, к настоящей жизни? – спросила Эллен. – Где гарантия, что не начнешь опять есть в Макдоналдсе или втихаря пить?

Она так пронзительно засмеялась, что гости за соседним столиком обернулись.

Эльса посмотрела на Эллен с изумлением. Вильгот казался оскорбленным.

– Я считаю, что каждый должен сам изменить свою жизнь. Продолжать использовать полученные здесь знания, – заявил он.

Эллен повернулась к Софии.

– Посмотрим, что у нас получится. Если ни черта не выйдет, мы всегда сможем найти какую-нибудь другую чокнутую группу самопомощи. Таких сейчас полно.

София засмеялась. Ей очень захотелось когда-нибудь еще поговорить с Эллен.

После ужина она заглянула в будущую библиотеку. Дверь была не заперта. Сейчас, когда солнце садилось и большое помещение заливал красно-желтый свет, дом казался еще красивее. София принялась фантазировать о том, как все здесь будет выглядеть, когда повсюду расставят книги, установят большие диваны и современную компьютерную систему.

Под конец она пошла в находившуюся рядом со столовой комнату для собраний и, воспользовавшись общим компьютером, написала мейл родителям и пообещала через пару недель вернуться домой и приехать их навестить.

Ее мысли потянулись к Эллису. Когда она разорвала их отношения, он совершенно вышел из себя. Разбрасывал вещи и кричал как ненормальный. Потом появился блог; посты и комментарии о ней распространились по Сети, как грибы. Кульминацией стали несколько порноснимков, куда Эллис вклеил лицо Софии. Любой мог увидеть, что снимки – монтаж, но это не имело значения. Они довели ее до ужасного состояния.

Мысли об Эллисе заставили Софию содрогнуться. Какими окажутся его дальнейшие шаги?

Покосившись через плечо и убедившись, что никто не смотрит, она вынула мобильный телефон и положила его рядом с клавиатурой компьютера. Послала Вильме сообщение с кратким обзором первых дней, заканчивавшееся словами: «Ты что-нибудь слышала от Эллиса? Похоже, он опять не

дает моей голове покоя».

* * *

Что появилось первым: книга, накидка или пещера?

Да, наверное, пещера. Точно пещера.

Солнце заходит. Мы спустились по скалам до самого низа и ловили крабов, застрявших в маленьких ямках между камнями скал. Я показываю, как нужно давить их ногой, и кидаю их кричащим чайкам. На ней короткая джинсовая юбка. Ее ноги совершенно коричневые, гладкие, длинные и аппетитные. Тут она поворачивается ко мне, и солнце, застревая в ее спутанных волосах, заставляет их пылать, точно языки пламени. Такое впечатление, будто кто-то поднес к ее голове спичку.

Я обдумываю, не взять ли ее все-таки с собой, но не знаю, какую роль она могла бы сыграть в моем плане. Как мне ее использовать.

– Фредрик, смотри! – Она, щурясь, показывает рукой куда-то вверх.

Я поднимаю взгляд и вижу зияющее в скалах отверстие, словно от вырванного зуба.

Мы лезем наверх. Отверстие высокое и глубокое, но вход завален выброшенными на берег последним штормом корягами и маленькими камнями. Мы впрягаемся: дергаем, вытаскиваем, разрываем, расшвыриваем и сбрасываем камни и

ветки деревьев в воду, пока не расчищаем отверстие.

Потом забираемся внутрь и садимся на пол пещеры.

– Сюда, наверное, можно залезть сверху, – говорит она. – Просто спуститься вниз по скалам.

Я киваю и подбираюсь поближе к ней. Прижимаю ее к холодному полу. Мы некоторое время боремся, и я засовываю руки ей под футболку.

– Не здесь, – произносит она. – Попе будет слишком холодно. – Садится, оглядывает пещеру и ухмыляется. – Какое жуткое место!

Мы долго сидим молча и наблюдаем в отверстие, как солнце опускается в море.

София продолжала время от времени думать об Эллисе, но все равно чувствовала себя необычайно спокойной. Свежий воздух, здоровая пища и сон погрузили тело в приятную спячку. Потом появились тезисы – и стало только лучше.

Правда, начало было не особенно хорошим.

– Этот лист пуст, – сказала София, глядя на Улофа Хуртига, стоявшего перед ней с полными ожидания глазами.

– Я знаю. Вероятно, тебе надо перечитать первый тезис. – Он вновь положил перед ней, поверх пустого листа, тезис.

Тезис 1: Твое внутреннее «я» знает все.

Внутри тебя есть голос, который на самом деле таковым не является. Если ты научишься его слушать, ты – мечтатель – очнешься от своих мечтаний. У этого голоса много названий: шестое чувство, пронизательность, чутье или ЭСВ. Но мы называем его интуицией.

Этот голос похож на солнце в пасмурный день. Солнце светит даже когда облака затягивают небо и в самую темную ночь. Облака и темнота – это твои ментальные деструкции, мешающие тебе познать собственное внутреннее «я».

Упражнение: Твой куратор даст тебе портал к твоей душе. Смотри на него и ищи свое внутреннее «я».

– Я это уже читала, – сказала София. – Зачем мне сидеть, глядя на пустой лист?

– Делай, как написано в упражнении, – ответил Улоф.

София чувствовала себя разочарованной и обманутой, раздражение пчелой жужжало у нее в голове, поэтому она снова упрямо уставилась на него.

– Почему текст такой короткий? Я думала, тезисы будут настоящими трактатами.

– Правда всегда проста, София.

– Да, но пялиться в пустой лист – этого, пожалуй, мало-вато?

Улоф сочувственно улыбнулся.

– Давай скажем, что лист – это твоя душа. Он совершенно пуст, и ты можешь делать с ним все, что захочешь. Поэтому мы называем его порталом. Что ты видишь на этой бумаге, София?

– Ничего.

– Именно. Попытайся отыскать в своей душе пустоту, и ты найдешь саму себя.

«Хорошо, что я за это не платила», – подумала она, сосредотачивая взгляд на белом листе.

Кипящая злость медленно остывала, и София дала глазам отдохнуть, пока лист бумаги не начал расплываться. Так она сидела долго. Казалось, время исчезло. Под конец она что-то почувствовала. Невесомость и облегчение, будто над го-

ловой рассеялась какая-то плотная масса.

Оторвав глаза от бумаги, София посмотрела на Хуртига.

– Я чувствую себя более легкой. Невесомой.

Лицо Улофа расплылось в широкой улыбке. Он оживленно закивал и положил руку ей на плечо.

– Отлично! Ты почувствовала свое внутреннее «я». Только и всего. Завтра мы перейдем ко второму тезису.

Позже вечером разочарование от простоты первого тезиса улетучилось. София действительно ощущала облегчение. Краски стали немного ярче, звуки – резче, а ее смех – несколько теплее. Заметив это, она приятно удивилась.

Следующим вечером София пошла в класс, не питая особых надежд. Улоф пребывал в возбуждении, потирая руки и улыбаясь во весь рот, отчего его худое лицо перекашивалось. София огляделась; ее интересовало, показалось ли также всем остальным, что первый тезис поначалу трудно воспринять. Они сидели с таким невозмутимым видом, словно пялиться в бумагу было самым естественным делом на свете. Эллен Вингос тоже присутствовала – и хохотала над чем-то так громко, что ее куратор приложил палец к губам, призывая ее замолчать.

На белых стенах висел лишь один плакат со словами: «Simplicity is power»⁴. София задумалась, почему текст написан не по-шведски; но, возможно, так он звучал бы не столь хорошо.

⁴ Простота – это сила (англ?).

– Тезис номер два! – провозгласил Освальд. – Готова?
София кивнула и села напротив него.

Тезис 2: Ты – это твое прошлое.

В настоящий момент ты являешься кульминацией всего, что думал и совершил, и всего, что совершили против тебя. Ты – это сумма своих субъективных и объективных впечатлений. Поэтому у тебя ежедневно есть тысяча разных возможностей изменить свое «я». Вся сила, которую ты когда-либо обретишь, присутствует в тебе самом, в твоём прошлом.

Упражнение: Куратор научит тебя извлекать энергию и силу из твоих воспоминаний.

– Это упражнение мы будем делать у меня в офисе, – сказал Улоф, – чтобы нам никто не мешал.

Когда они вошли в его маленькую комнатку, он наполовину опустил жалюзи, и все стало выглядеть бледным и сероватым. София уселась перед ним на хилый стульчик для посетителей, а Улоф вытащил из ящика письменного стола маленький листок бумаги.

– Теперь закрой глаза. Я буду давать тебе простые команды, а ты должна говорить мне, что видишь и о чем думаешь.

Команды оказались краткими, но он растягивал слова грудным голосом, почти шепотом.

Вспомни раз, когда ты чувствовала себя сильной.

Вспомни раз, когда ты чувствовала себя уверенной в победе.

Вспомни раз, когда жизнь была прекрасна.

Вызови в памяти свой первый триумф.

Казалось, существуют бесконечные вариации этого вопроса, и у Улофа все время вертелась на языке следующая команда. Поначалу вспоминать Софии было трудно, но затем стали всплывать события. Давно забытые воспоминания. Красивые картины.

– Что мне делать, если возникает грустное воспоминание? – спросила она, поскольку в голову пришла велосипедная авария, когда она сломала руку.

– Ты чувствовала себя в тот раз сильной? Выше этого?

– Ну, не совсем...

– Тогда не будем обращать на это внимания. Просто найди другое воспоминание.

Они продолжали так часа два, пока голос Улофа не начал стираться, а в душе у нее не потеплело и она не почувствовала себя немного легкомысленной, чуть ли не смешливой. София погрузилась в теплую темноту, где существовала только она, картины и доносящийся издалека голос Улофа.

Тут возникла особенно яркая и отчетливая картина: неуверенно топающие по газону две маленькие ножки, вид сверху. Сначала она эту картину отбросила, поскольку та казалась совершенно невероятной. Однако картина вернулась, и теперь София уже ощущала росу под ногами и внутрен-

нее ликование от способности передвигаться. «Странно, что мои ноги стали такими большими», – подумала она и слегка вздрогнула, поскольку сразу поняла, что воспоминание правдиво.

– Я представления не имела, – услышала София свои слова; правда, голос донесся откуда-то издали.

– Прости? – переспросил Улоф.

Она заставила себя поднять веки и увидела, что он смотрит на нее вопросительно.

– Ты что-то сказала.

– Я думала вслух. Мне подумалось, что я не имела представления о том, что способна помнить такие давние события. Я вспомнила, как делала первые шаги. Совершенно невероятно, но я знаю, что это воспоминание настоящее.

– Да... – Улоф оживленно подался вперед, призывая ее продолжать.

– Да, и еще мне подумалось, что прошлое – действительно ключ к присутствию.

– Бинго! – Он ударил ладонью по столу. – Именно! Так и есть! Конец упражнения. Завтра займемся третьим тезисом.

* * *

Направляясь в класс третьим вечером, София слегка волновалась. Почему – сама толком не знала; лишь связывала это с потерей контроля, потерей самой себя в упражнениях.

– Сколько всего тезисов? – спросила она Хуртига, едва они уселись.

– Пять. Но сначала делают с первого по четвертый, а потом некоторое время тренируют свои новые способности.

– Ты читал пятый тезис?

– Нет, его еще никто не выполнял. Франц выдаст его, как только пятьсот гостей завершат работу с первыми четырьмя. Он говорит, что пятый тезис настолько мощный, что для него вроде бы требуется особая команда. Но сейчас давай сосредоточимся на третьем.

Тезис 3: Сумерки одного человека являются рассветом другого.

Твое истинное «я» может существовать только при свободе от постоянной боязни возмутить или обидеть других, или причинить им вред. Жажда одобрения является наихудшей болезнью человека.

Упражнение: Освоение тезиса 3 происходит в классе с куратором, который повторяет следующую команду: «Вспомни раз, когда ты мог бы помочь кому-то, причинив ему вред».

Дочитав до конца, София вздрогнула.

– Звучит жестоко.

– В этом-то и суть. Сейчас протестует твоя жажда одобрения, а не твое истинное «я». Давай займемся упражнением.

Однако никаких ответов София не находила. Крутилась и

вертелась на стуле, отвлекалась на происходящее в классе, и у нее лишь возрастало раздражение по поводу этого дурацкого упражнения.

– Я не нахожу ответов на твой вопрос, – сказала она под конец Хуртигу.

– Так и контрактимся.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Франц говорит, что третий тезис подходит не всем. Существуют доминирующие люди и покорные. Покорным этот тезис не покоряется.

– Я, черт возьми, вовсе не покорная! О чем ты говоришь?

– София, с тобой всё в порядке. Вселенная в целом строится на доминанте и покорности. Это столь же естественно, как то, что чайки в заливе едят селедку. Отдохни остаток вечера, а завтра займемся четвертым тезисом.

Когда она покидала класс, внутри у нее все кипело. Этот ходячий скелет ни черта о ней не знает. Покорная? Идиотизм, нелепость, а главное – совершенно неверно. И еще сравнивает ее с какой-то паршивой селедкой!.. Она немного походила по двору, потом села возле пруда и смотрела на лебедей, выдергивая руками траву.

Под конец встала и быстрым шагом вернулась в класс. Улоф Хуртиг был еще там.

– Ладно, я сделаю это чертово упражнение.

Его лицо просияло.

– Я так и думал.

Они начали заново, София нашла несколько ответов на вопрос и в конце концов почувствовала себя немного лучше. Достаточно хорошо для того, чтобы Хуртиг отпустил ее.

* * *

— Этот тезис настолько прост, что, читая его, лучше пользуйся не рассудком, а сердцем, — выкладывая перед ней четвертый тезис, сказал Улоф.

— Как это делается?

— Попробуй.

София прочла короткий текст.

Тезис 4: Темнота является сутью света.

В миллиметре под поверхностью земли царит полная темнота. Внутри твоего тела совершенно темно, тем не менее ты живешь и излучаешь энергию. ДНК, присутствующая в твоих клетках, светом не обладает, однако она — схема того, кто ты есть. Темнота является сутью света.

Упражнение: Куратор проводит тебя в совершенно темную комнату. От тебя требуется лишь следующее: сиди в полной темноте, пока не начнешь видеть.

— Я не могу сделать это упражнение, — сразу сказала она.

— София, не начинай снова.

— Ты не понимаешь. Я боюсь темноты. Я не выдержу, если меня запрут в темноте.

– Но ты ведь спишь здесь в полной темноте.

– Когда я сплю, это другое дело, – солгала София, поскольку всегда оставляла открытой щелочку с края шторы.

– Я буду все время сидеть перед комнатой, – пообещал Улоф. – Если почувствуешь панику, ты сможешь просто постучать в дверь, и я открою. Хотя бы попробуй.

Комната находилась в самом конце дома. Атмосфера здесь кардинально отличалась от класса: сырой и спертый воздух и сильный запах пота от подмышек человека, который, видимо, сидел здесь до нее. В центре комнаты стоял стул, в остальном она была абсолютно пуста.

– Здесь ужасно.

– Никакого комфорта быть не должно.

София медленно вошла и села на стул.

– Комната звуконепроницаемая, – сообщил Улоф. – Но если ты постучишь в дверь, я услышу.

Дверь с шумом захлопнулась.

Первым делом ее парализовала даже не темнота, а тишина. Было так тихо, что казалось, весь мир исчез. София слышала собственный пульс и странный, булькающий шум в ушах. «Это течет по венам кровь, – подумала она, – слух у меня переместился внутрь тела».

Затем под одежду, отыскивая каждый укромный уголок тела, поползла темнота: улеглась под мышками и в паху и так ухватилась за гортань, что стало почти невозможно дышать. Потом подоспело знакомое потоотделение, которое, начав-

шись с дурноты, жаром распространялось к груди, рукам и лбу, пока София вся не взмокла.

Я не выдержу. Надо выходить, надо выходить!

И тут произошло это. Она оказалась снаружи. Не только вне тела – его больше не существовало, – а за пределами всего острова. Она парила высоко в небе.

Все предстало перед ней в ярких красках: вот видовая площадка и обрывающиеся в море скалы, огромные леса и гавань, где лодки выглядят, как маленькие игрушки...

Стена обвивала усадьбу, точно белая змея. Лебеди в пруду превратились в две маленькие белые точки. Воздух был разреженным, а сама она – невесомой и горячей. Все двигалось словно в ультрарапиде. Ветер медленно отгибал назад кроны деревьев. Солнце золотым дождем лилось на весь ландшафт. Сколько времени это продолжалось, София не знала. Когда позже она спросила об этом у Улофа, тот лишь пожал плечами. Однако, когда София вернулась в комнату, страх исчез. Темнота казалась приятной и утешающей, как горячая ванна.

Я видела! Я видела без помощи глаз!

Она постучала в дверь.

Когда Улоф открыл, свет ослепил ее, но она была лишь благодарна за то, что, рассказывая о случившемся, не видит его улыбки. Услышала, как он хлопнул в ладоши, потер руки и засмеялся.

– Надо же, София! Ты закончила. Ты достигла последнего

феномена четвертого тезиса.

* * *

В последующие дни все казалось другим. Новое, редкостное спокойствие в теле. Гармония. Покой. В поисках именно этого ощущения София и приехала на остров. «Вечно мне надо волноваться», – думала она. Осознанно или подсознательно, София всегда над чем-нибудь размышляла. Слабое ощущение паники, ее постоянного спутника, как ветром сдуло. Она проходила последнюю фазу программы – второе расслабление, когда полагалось ежедневно сидеть некоторое время в классе с закрытыми глазами. Ожидалось, что человек будет тренироваться извлекать из своих воспоминаний силу, но она в основном сидела и наслаждалась тем, что все так хорошо.

На третий день к ней подошел Улоф Хуртиг, потряс за плечо и пробудил от мечтаний.

– Франц хочет тебя видеть. Немедленно!

Это прозвучало так, будто сам Бог позвал ее на мессу.

София знала, где находится офис Освальда, и, несколько раз постучав, но не получив ответа, просто вошла. Ступить в его офис было все равно что войти в космический корабль. Никаких картин, цветов, ни единой фотографии, только белые стены с выходящими на море огромными окнами. Вдалеке София смогла разглядеть видовую площадку. Офис был

полон электронной техники: компьютеров, принтеров, мониторов и разных штукоев, названия которых она не знала. Ей пришла в голову мысль, что это странно, поскольку в «Виа Терра» компьютеры запрещены, но она подумала, что главному начальнику компьютеры, возможно, необходимы.

Сам Освальд сидел за большим письменным столом, погруженный в текст на мониторе. Когда она вошла, он даже не поднял взгляда. Сидевшая за значительно меньшим письменным столом в самом углу офиса Мадлен приложила к губам палец и строго посмотрела на Софию. Значит, беспокоить нельзя. Та осторожно села перед Освальдом на стул для посетителей.

На нем опять была футболка. София заметила, что он напряг мышцы спины; интересно, намеренно ли? Когда Освальд повернулся в кресле, его глаза странно вспыхнули, словно ожидалось, что она что-нибудь скажет. Но София не знала что. Его присутствие было столь ощутимо, что она потеряла самообладание и совершенно онемела.

– Поздравляю! Я слышал, что ты завершила программу. Надеюсь, все прошло хорошо?

– Потрясающе. Лучше, чем я ожидала.

Он шутливо забарабанил пальцами по столу.

– Значит, я могу услышать твой ответ относительно библиотеки?

– Да, хм, я заинтересована... но сперва мне надо переговорить со всеми дома.

Освальд потянулся вперед и накрыл рукой лежавшую на столе ее руку. Ладонь у него была сухой и горячей. Ее рука вздрогнула, но София не отдернула ее.

– Нет, времени на обдумывание я тебе не дам.

– Почему?

– Дело в том, что, я думаю, ты уже решила, – ответил он и слегка сжал ее руку.

Казалось, будто ее устами говорит кто-то другой. Слова сами выскакивали у нее изо рта. София видела себя немного со стороны, снаружи тела. Видела, как открылся рот, и слова соскользнули с языка.

– Тогда я, наверное, скажу «да».

Голос возвращался к ней эхом, словно из пустоты.

Господи! Во что я ввязалась?

– Ты не пожалеешь, – сказал Освальд, выпустил ее руку и снова откинулся на спинку кресла. – Тебе, вероятно, надо кое с чем разобраться, прежде чем ты приедешь сюда. Просто позвони Мадлен и сообщи, когда приедешь.

Он развернулся на кресле и снова начал читать текст на мониторе.

Мадлен выпроводила ее из офиса.

София долго стояла за дверью в полной растерянности, потрясенная тем, что только что произошло.

В дальнейшем она будет бесчисленное количество раз копаться в себе. «Почему, скажите на милость? Что на меня нашло? Как я могла?» Она всегда приходила к одному и тому же выводу. Это была некая комбинация. Притягательная, неотразимая смесь. Красивый остров, повсюду роскошь, еда, сон, ощущение после тезисов; но главным образом – этого она будет стыдиться и с трудом признаваться в этом самой себе – Освальд и его притягательная сила. Здесь речь шла не о секте или культе, а о чем-то совершенно другом. Почти что о новом мире, осуществленной мечте о будущем.

Дело же обстояло иначе.

Впрочем, задним числом быть умным легко.

А в тот момент, выведенная из душевного равновесия и обливаемая потом, София тем не менее сознавала, что должна вернуться в «Виа Терра». Иначе ее продолжало бы тянуть туда, как бабочку к огню.

И когда стояла там, в коридоре, то огорчаясь, то ощущая головокружительную эйфорию, она обнаружила, что на губах у нее играет глупая улыбка.

В пещеру мы возвращаемся снова и снова.

Смотрим, как на залив налетает дождь и хлещет море.

Ходим туда ночью, когда на поверхности воды сверкает лунная дорожка.

Пещера – это мое место на земле. Здесь я могу мыслить ясно. Я почти непрерывно думаю о своем плане. Кручу и верчу его, рассматриваю по швам, словно плету сеть, которая однажды покроет весь остров.

Иногда я настолько углубляюсь в мысли, что она тормозит меня, чтобы получить ответ на свою бессмысленную болтовню. Тогда я валяю ее на пол и держу за горло, пока она не начинает безумно лягаться. Своего рода знак, что она сдается.

Теперь я знаю, что не смогу взять ее с собой. Она слишком бестолкова, а кроме того, я уже изучил каждый потайной уголок ее тела и начинаю воспринимать ее, как пакет от выпитого молока.

Правда, пещеры мне будет не хватать. Мою ее твердых стен.

Отсюда можно увидеть всю вселенную.

Можно увидеть даже будущее, как мираж у горизонта.

Беззаботность сохранялась. Стучащее в голове беспокойство исчезло. София слышала, что есть люди, узнающие о головной боли, только когда та проходит. Сейчас у нее было именно такое ощущение. «Это мое истинное "я", – думала она. – Неделя пребывания на программе, и я чувствую себя новым человеком».

Кроме того, ее предупреждали о заманчивой мистике острова и, главным образом, самой усадьбы. Когда София глядела на главное здание, у нее от волнения ныло в груди. Она уже мечтала вернуться обратно.

В последний день ее подвезли до деревни, и София оставила свой багаж в камере хранения возле паромы. Потом взяла напрокат велосипед и отправилась кататься по острову. Утром она лежала на пляже и загорала. Наслаждалась усилившимися на солнце ароматами: запахом смолы лодочных сараев и резким запахом покачивающихся у берега водорослей. Потом обедала на открытой террасе, на пристани. Ресторан был битком забит туристами. Наступил настоящий разгар лета. В деревне появилось так много народу, что на мощенных булыжником улочках стало тесно. Большинство домов сбились в кучу вокруг площади, где причаливал паром, но часть домиков забралась вверх по скалам и расположилась высоко над морем. Софию заинтересовала, каково это

жить там, наверху, осенью, когда на остров налетают шторма.

На площади находился маленький сувенирный магазинчик, куда она зашла в поисках чего-нибудь для родителей и Вильмы. Внезапно перед ней возникла Эллен Вингос, загорелая и одетая в яркое летнее платье, которое демонстрировало значительную часть ее большого бюста.

– София, как приятно встретиться!

– Мне тоже. Я сегодня здесь последний день.

– Я тоже. Ну, как все прошло?

– Отлично. Я еще вернусь. Буду помогать им с библиотекой.

Ей не хотелось сразу говорить, что она примкнет к персоналу. Это, пожалуй, прозвучало бы как поспешное решение, а София не хотела показаться знаменитой оперной певице излишне доверчивой.

– Как получилось с тезисами? – спросила она Эллен.

– Ну, мне понравились первый и третий. Четвертый я толком не поняла; когда проходила его, ничего особенного не произошло. Но в целом, я считаю, получилось хорошо.

– Забавно. У меня было в точности наоборот. Мне больше всего понравился четвертый.

– Надо же... Но теперь я поеду домой, вернусь к ежедневному тяжкому труду. Посмотрим, удержится ли хорошее самочувствие... Черт возьми, как пришлось раскошелиться! – Она пронзительно засмеялась.

Две дамы, перебиравшие фарфоровые изделия, посмот-

рели на нее с возмущением.

Порывшись в большой сумке, Эллен достала маленькую карточку и протянула ее Софии.

– Вот моя визитка; если когда-нибудь приедешь в Стокгольм, позвони, и я устрою тебе билеты в оперу.

София смотрела вслед выходящей из магазина Эллен Вингос. Ей очень хотелось встретиться с ней снова.

Под конец она нашла две кружки с видами острова для родителей и книжечку с фотографиями природы для Вильмы.

Затем решила прокатиться на велосипеде в северную часть острова. Видовая площадка словно звала ее в последний раз.

Дуло, в виде исключения, с востока. Волны упорно били о скалы по правую руку. Ветер рвал ей волосы и завывал в дубах. Чайки свободно парили в небе.

София припарковала велосипед у конца дороги и направилась через поросший вереском торфяник к видовой площадке. Посмотрев в сторону моря, она заметила, что на Дьяволовой скале кто-то стоит, глядя в воду. София прищурилась и попыталась разглядеть фигуру, но скала находилась слишком далеко. Фигура спустилась вниз и скрылась из вида, но на торфянике не появилась. София подошла к Дьяволовой скале, однако, осмотрев окрестные скалы, никого не увидела. Неужели это старый граф высматривает на глубине графиню?.. Но с вершины скалы ей открылась только про-

зрачная темная вода, которая, похоже, не имела конца – дна, по крайней мере, видно не было.

София села на скалу и свесила ноги через край. Казалось, будто видишь, как земля загибается у горизонта. «Отсюда видны начало и конец мира, – подумала она. – Можно смотреть прямо в вечность».

Ей захотелось в последний раз взглянуть на летний домик, поэтому она, оставив велосипед у дороги, двинулась через лес.

Едва переступив порог, почувствовала, что все изменилось: половик при входе смят, а на кухонном столе лежит связка ключей. Дверь в спальню стояла открытой. На кровати виднелась какая-то фигура. Первым побуждением Софии было развернуться и уйти. Однако любопытство взяло верх, и она подкралась к спальне.

Вытянувшись на покрывале, с открытым ртом, лежал погруженный в глубокий сон парень в сером костюме. Она подумала было разбудить его, но обоим стало бы слишком неловко. Как раз когда она собиралась выскользнуть наружу, парень открыл глаза.

– Попалась, – пробормотал он, сел на кровати и потер глаза.

У него было подвижное лицо с яркими, живыми глазами. Подбородок немного выступал; все лицо, за исключением верхней части лба, покрывали веснушки. Волосы были рыжие, отросшие и нерасчесанные. Несмотря на большую их

копну, голова казалась слишком маленькой для широкой и мускулистой верхней части тела. Когда он встал, София увидела, как он высок, наверняка метр девяносто, – великан по сравнению с ее метром пятьюдесятью восемью.

– Бенъямин Фриск, – представился парень, протягивая руку. Рукав рубашки поднялся вверх, обнажив покрытую рыжим пушком руку. Второй рукой он тщетно пытался расправить помятый пиджак.

На языке у нее вертелись две или три убийственные реплики, но София сдержалась, поскольку не хотела смущать его еще больше.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

Парень улыбнулся, демонстрируя большую щель между передними зубами.

– Черт! Понять не могу, как ты меня здесь нашла. Ну, ты, наверное, слышала, что мы ремонтируем жилье для персонала. Я занимаюсь перевозками, закупками и тому подобным... словом, дел по горло. Спать почти не удастся.

– Значит, ты иногда приходишь сюда вздремнуть? – Да, так и есть.

– Меня зовут София.

– Я знаю, кто ты. Я тебя выследил; видел, как ты заходила в домик, и обратил на тебя внимание в гостевой столовой. Надеялся, что мы как-нибудь столкнемся. Но не таким образом.

– Тогда как получилось, что я тебя ни разу не видела?

– Я держался на расстоянии. До сих пор. Но, пожалуйста, садись. – Он указал в сторону кухонного стола так, словно владел домиком.

– Мне хочется побольше узнать о доме, – сказала София, когда они уселись. – Ты знаешь, кому он принадлежит и почему пустует?

– Владеет им одна тетка. Она приезжает сюда летом. Больше мне ничего не известно.

– В нем есть нечто особенное. Меня сюда словно тянуло.

– Он необычно расположен. Посреди леса...

Они немного помолчали, глядя друг на друга. Одиноким солнечный луч пронзил щель между кухонными занавесками и воспламенил пыль, взвивавшуюся к потолку, точно маленький торнадо. В глазах Беньямина присутствовало столько жизни... Остановившись на них взглядом, София ощущала приятный прилив, пробежавшее по телу теплое течение.

– Тебя не могут хватить, когда ты исчезаешь?

– Нет. Час туда, час сюда – никакой роли не играет. Там такая неразбериха на первом этаже...

– Мне надо спешить к парому.

– Когда ты вернешься?

– Точно не скажу, но скоро. Я буду работать в библиотеке.

– Это я тоже знаю. В нашей маленькой группе слухи распространяются быстро. А ты не можешь поехать утреним паромом? Я знаю на этом острове каждый закуток; я могу тебя поводить, и...

– Не сегодня. Возможно, когда я приеду обратно.

София покосилась на наручные часы. Почти половина пятого.

– Дьявол! Мне нужно торопиться! – прокричала она, вылетая в дверь.

Побежала в лес, в сторону торфяника, но прежде чем скрыться между деревьями, в последний раз обернулась.

Парень стоял на газоне, глядя ей вслед.

«Беньямин Фриск, – подумала она. – Еще один повод, чтобы вернуться».

Всю дорогу до деревни София исступленно крутила педали. Солнце сверкало повсюду: на асфальте, велосипеде, море и скалах.

* * *

Мы ищем книгу, а находим вместо нее накидку.

Сидим в затхлом чердачном помещении и роемся среди книг, которые пахнут высохшей на солнце пылью и пометом моли и иногда распадаются по швам, когда мы их открываем.

– Что мы, собственно, ищем? – спрашивает она.

– Семейную хронику. Она должна быть в кожаном переплете и точно написана от руки.

– Откуда ты знаешь, что она здесь?

– Ее однажды видела мать. Когда прибиралась. Она по-

ложила ее здесь, среди остальных книг.

У нее кончается терпение. Она встает и принимается осматривать чердак, уходит от меня все дальше и дальше.

Вдруг далеко из темноты до меня доносится ее голос:

– Фредрик, посмотри на это!

Поначалу я ее не вижу, поэтому мне приходится прервать поиски среди книг и встать. Это приводит меня в бешенство, но затем я вижу, что она держит в руках. Вешалку с большой черной бархатной накидкой, с капюшоном и всем прочим. Я тотчас узнаю ее.

– Это накидка графини! Той, что покончила с собой, – говорю я.

– Откуда ты знаешь?

– Видел ее на фотографии. Там графиня сидит на лошади в этой накидке.

– Черт, какая она красивая! – восклицает она.

– Надень ее! – приказываю я.

– Что?

– Я говорю, надень ее. Только сперва сними одежду. Ты должна быть под ней голой.

– Прекрати! Чего ради?

– Просто сделай, как я сказал.

Она подчиняется. Стягивает юбку и футболку. Я многозначительно смотрю на трусики, и она снимает их тоже; стоит нагишом на чердачном полу и ухмыляется. Потом надевает накидку и драматическим жестом запахивает ее.

Ее волосы падают на черный бархат, словно золото.
– Теперь распахни накидку и покажись, – командую я.
Она распахивает накидку. Эффект потрясающий.
– Круто! Ты должна быть в ней сегодня вечером в сарае.
Она лишь кивает, но я вижу, что мысль ей нравится.
Я вновь проникаюсь ее обликом. И тут меня осеняет идея.
Как гром среди ясного неба.

– Тогда отдай мне, пожалуйста, мобильный телефон, ноутбук, планшет и другие имеющиеся у тебя подобные штуковины.

– Ты шутишь?

– Я похож на шутника?

Нет, Буссе – «ответственный за персонал», как он представился, – на шутника отнюдь не походил. Он был молод, как и большинство персонала, со светлыми, коротко стриженными волосами и настолько ярко-голубыми глазами, что они казались сверхъестественными. Его осознанное присутствие давало понять, что он привык командовать.

Когда София вошла в его офис, Буссе посмотрел на нее с легким отвращением, как на паразита или зверя, которого нужно укротить. Она сразу рассердилась на него. Отгородилась от него ментальной стеной, чтобы он понял, что на самом деле не имеет над ней никакой власти.

– София, тебе выделяют здесь собственный ящик. Твои вещи будут там надежно храниться, и в свободное время ты, конечно, сможешь ими пользоваться. Просто нехорошо выглядит, когда персонал бегают повсюду с мобильными телефонами и планшетами. Освобождение от потребности в них – это важная часть программы, которую проходят наши гости. В столовой для персонала есть компьютер, откуда ты

сможешь посылать мейлы семье и друзьям или выходить в Интернет, когда свободна.

София нехотя положила перед ним на письменный стол свой «Айфон». Подумала о лежащем в одном из чемоданов ноутбуке, но быстро решила, что это его не касается.

– Какой-нибудь компьютер?

– Нет, я оставила его дома.

– Мудрое решение. Наручные часы можешь, естественно, оставить. Важно, чтобы здесь ты все делала вовремя.

Буссе осмотрел ее, особенно волосы, которые после поездки по морю при влажном воздухе представляли собой большую всклокоченную копну.

– Пожалуй, тебе следует подумать о том, чтобы собрать волосы в узел, – предложил он.

– Ага, возможно.

– Какого размера у тебя юбка и пиджак? Это для формы.

– Тридцать четвертого.

– А обувь?

София знала, что до этого дойдет.

– Сорок первого.

– Что?

– Я сказала, сорок первого. В нашей семье у всех маленькие туловища и большие ноги. Мы прочно стоим на земле.

Ее шутка осталась незамеченной. Он лишь кивнул и записал цифры. Сразу почувствовалось, что здесь не так уж хорошо. Вовсе не так, как она предполагала. Сомнение начало

закрадываться в нее уже на пароме. Но теперь уносить отсюда ноги поздно.

– Теперь нам нужно подписать контракт, – сказал Буссе.

Он хорошо подготовился. Бумага лежала в центре письменного стола, а поверх нее – большая черная ручка. Буссе протянул ей бумагу. София принялась внимательно читать, и по мере чтения ее неприязнь возрастала.

– «Обязуюсь временами работать в тяжелых условиях» – что это значит?

– Только то, что ты готова к тяжелой работе. Это иногда требуется.

– А что означает: «Отказываюсь от права подавать в суд на организацию и ее персонал»?

– Господи! Ты же не собираешься подавать на нас в суд? София, контракт подписывается почти на любой работе. Здесь нет ничего нового. Соблюдение профессиональной тайны и тому подобное.

– Что произойдет, если я передумаю?

– Ты ведь не думаешь, что мы станем тебя удерживать? Нам незачем вербовать кого-то обманным путем. Есть масса желающих работать в «Виа Терра».

– Тогда зачем я должна подписывать контракт?

– Как я сказал, это обычная практика почти на всех работах. Не понимаю, зачем нужно так все усложнять. Ведь ты наверняка знала, что нам предстоит заключить контракт?

– Да, но раньше я не читала сам контракт.

Буссе вздохнул.

– Ну так что, подпишем, чтобы я потом смог показать тебе твою комнату?

* * *

Они стали вместе спускаться на второй этаж. Буссе нес один из ее больших чемоданов на колесиках, а София тащила второй, громко ударяя им о ступени лестницы. У нее по-прежнему сохранялся неприятный осадок от разговора. Она расстраивалась от того, что отдала свой телефон. В голове возникали образы заключенных, которых подвергают в тюрьме личному досмотру. Потом она подумала: «Возможно, он прав. Было бы неправильным, если б персонал писал твиты и эсэмэски перед носом у гостей».

– Первый этаж по-прежнему ремонтируют, – сказал Буссе. – Но здесь уже все готово.

Он открыл перед ней дверь на второй этаж. В коридоре царили тишина и покой. Пол был новым. С каждой стороны имелось по десять аккуратно пронумерованных дверей. Буссе открыл номер семь. Первым делом София обратила внимание на три кровати. Значит, ей предстоит жить в общей палате. Возле каждой кровати стояло по платяному шкафу, комоду и стулу. Больше никакой мебели в комнате не имелось. Окна выходили не на море; вместо него виднелись сарай и пасущиеся животные.

– Как видишь, у тебя будет собственный шкаф и комод, – глядя на ее большие чемоданы, пояснил Буссе. – Так много вещей тебе здесь не понадобится; твою форму привезут через пару дней, а в свободное время ты легко обойдешься джинсами и тому подобным. Возможно, тебе захочется убрать часть вещей в нашу кладовую в подвале. Только скажи, и я покажу тебе, где это.

София заглянула в ванную комнату: голые белые стены, над раковиной большой шкафчик, маленькие таблички с именами над тремя белыми банными полотенцами, душ без ванны, унылый запах лаванды от освежителя воздуха.

– Кто еще здесь живет?

– С тобой живут Эльвира, приехавшая сюда с родителями, и Мадлен, с которой, думаю, ты уже встречалась.

У Софии опустилось сердце: похоже, говорить ей тут будет не с кем. Внезапно нахлынула такая тоска по Вильме, что стало больно. По Вильме, которой не будет здесь, чтобы тормознуть ее, если она слишком разойдется. Если в этом месте вообще возможно разойтись. Все казалось абсолютно упорядоченным и подчиненным дисциплине.

– Ну я тебя оставляю, чтобы ты могла распаковать вещи, – проговорил Буссе. – Ужин подают в семь. Столовая для персонала находится на первом этаже. Найти легко. Когда ты поешь, Мадлен проинструктирует тебя относительно библиотеки. Если возникнут вопросы, ты всегда можешь прийти ко мне. Как уже сказал, я отвечаю за персонал.

Он оставил ее в комнате одну. Его быстрые шаги удалились по коридору. София подошла к окну и посмотрела во двор. От разгуливавших по пастбищу коров и овец веяло спокойствием. Почему же у нее тяжело на душе? Вероятно, так чувствуют себя все, кто сюда приезжает. Реакция на отрыв от дома.

София принялась распаковывать чемоданы и раскладывать одежду по местам, в шкаф и комод. Она тихонько напевала, но в комнате со звукоизоляцией ее голос звучал глухо.

Под одеждой лежал дневник в черном кожаном переплете, который на прощание подарила ей Вильма. Его София поместила в верхний ящик комода. Очередь дошла до ноутбук. Она взяла с собой простыни и наволочки, но увидела, что кровать уже аккуратно застелена, поэтому засунула ноутбук в наволочку, обернула простыней и положила сверток в нижний ящик комода. Чемоданы с тем, что не поместилось в комод, засунула под кровать. Выпускать свои вещи из виду она всяко не собиралась.

Ужин в столовой для персонала был в разгаре. Казалось, все столики заняты, и она в нерешительности стояла в дверях, пока ее не увидела Мадлен и не подошла к ней.

– Можешь сесть за наш столик.

За ужином Мадлен много разговаривала, но ее болтовня превращалась в ушах Софии в жужжание. В голове периодически возникали полные раскаяния мысли. Управлять ими не получалось, поэтому она предоставила им свободу.

– Ты не против? – внезапно спросила Мадлен.

– Извини?

– Я спросила, не против ли ты, если мы сейчас пойдем в библиотеку? Франц составил описание проекта и хочет, чтобы ты его прочла.

– Конечно, я не против.

В библиотеке было тихо и холодно, совсем не так, как при нагревавшем маленький дом солнце. Мадлен зажгла верхнее освещение.

– Ну вот, тебе остается только начать что-нибудь здесь создавать. – Она с нетерпением протянула Софии толстый документ. – Прочти и скажи свое мнение.

София села на единственный стул, предоставив Мадлен стоять.

– Мне потребуются стол для выдачи книг и стул для посетителей. Кроме того, для поисков материалов нужен компьютер.

– Они уже заказаны, – сказала Мадлен. – Завтра привезут.

София начала читать описание проекта, состоявшее из десяти страниц и более сотни пунктов. Сосредоточиться не удавалось. Мадлен нависла над ней, словно ястреб. Слова и буквы сливались. Взгляд скакал вперед в поисках проклятого конца перечня вещей, которые от нее ожидались. «Сегодня у меня плохой день, – думала София. – Завтра прочитаю более тщательно».

– Выглядит хорошо, – под конец произнесла она.

– Отлично! Тогда я скажу Францу, что тебе понравилось.

– Конечно.

– Мы отправляемся спать в девять часов, а в одиннадцать выключаем свет. Так что у тебя есть еще пара часов. Если хочешь, можешь пойти погулять.

* * *

На острове было столь же красиво, как и раньше. Стояла середина августа, и вечерний воздух слабо отдавал осенью. Однако все еще было зелено, и тропинки утопали в траве.

София поднялась к видовой площадке, села там и стала смотреть на море. Солнце заходило. Небо потихоньку утрачивало цвет, и насыщенный синий нюанс моря побледнел до бирюзового с розовыми проблесками от солнца. Потом быстро стемнело, и над ней навис черный пустой космос. Но она не уходила. Отпустила беспокойство и разрозненные мысли, отправив их парить в небе. От легкого бриза руки и ноги у нее покрылись гусиной кожей. София натянула кофту и медленно пошла обратно в усадьбу.

В общую палату она вернулась почти к отходу ко сну. Мадлен уже раздевалась. На второй кровати сидела девочка, на вид не более лет двенадцати. Ее светлые волосы были такой длины, что лежали на коленях. Она обладала белой, словно мел, кожей и огромными глазами, как у девочки из японских комиксов «манга». Девочка, захихикав и накручи-

вая на руку локон, робко улыбнулась Софии.

– Это Эльвира, – пояснила Мадлен. – Она тоже живет с нами.

София поздоровалась. Подумала, что Эльвира – существо, место которому на рисунке Иона Бауэра⁵ или, по крайней мере, на материке, в школе, но не здесь.

София ожидала, что они немного поболтают, но едва она надела ночную рубашку, как Мадлен выключила свет, и в комнате воцарилась полная темнота.

– Ой, я забыла спросить, кто нас завтра разбудит? – прокричала в темноту София.

– Я тебя разбужу, – ответила Мадлен.

Значит, здесь есть только ментальный будильник.

Заснуть никак не удавалось. Ощущение, что находишься в военном лагере или тюрьме, вернулось и не уходило. Дыхание у остальных замедлилось, они уснули. София думала о родителях, с которыми прощалась так, будто они ее больше не увидят. Как мама волновалась все больше и больше, выпаливая такие слова, как «секта», «культ» и «проклятое мошенничество», а потом сожалела и говорила, что просто беспокоится за Софию... Как всегда, беспокоилась. За все. Но сейчас Софии так не хватало ее, что ныло в груди.

Потом появились беззвучные слезы. Она дала себе выпла-

⁵ Ион Бауэр (1882–1918) – шведский художник и иллюстратор, получивший широкую известность благодаря иллюстрациям к серии книг «Среди эльфов и троллей».

каться. И тут наконец наступил благословенный сон.

* * *

— Кто-то идет! Выходи! — восклицаю я, подталкивая ее. День идеальный. Туман настолько густой, что из нашего укрытия в маленькой роще скалы почти не видно.

Ждали мы долго. Она скулила и просилась домой.

— Фредрик, никто не идет. Я замерзла.

Но я не сдаюсь. Туман отличный, и упускать такой случай я не намерен. И кто-то действительно идет. Через торфяник медленно бредет мужчина.

— Выходи, — шиплю я. — И раскинь руки, как привидение.

Она выступает из тумана. В накидке с капюшоном она смотрится совершенно потрясающе. Будто парит.

Мужчина останавливается. Видит ее.

Она подходит к вершине скалы и протягивает руки к морю.

И еще воеет, как одинокий волк.

Мужчина словно окаменел. Не верит своим глазам.

Она следует моим указаниям. Спускается со скалы. Разумеется, в пещеру. Но все происходит так быстро, что выглядит, будто она растворилась в тумане.

Мужчина подходит к скале и поднимается к вершине.

Я затаил дыхание.

Он смотрит вниз. Ее, естественно, не видит — и вот

тут по-настоящему пугается. Разворачивается безумный, мчится через торфяник. В немом тумане слышны лишь треск веток вереска, ломающихся у него под ногами, да его прерывистое дыхание.

Я дожидаясь, пока он скрывается из вида, и заползаю к ней.

Она хихикает, сидя на полу пещеры. Мы смеемся до икоты.

– Мы покажем им, черт возьми, кто правит этим островом! – под конец заявляю я.

Нравиться ей здесь стало именно из-за рутины, которую она поначалу так презирала. Расписание каждый день одно и то же. Дни настолько расписаны, что не остается времени думать о чем-либо, кроме работы, еды и сна. Все здесь на одинаковых условиях. Все участвуют в одних и тех же каждодневных делах.

Просыпались они в семь часов – то есть те, кто владел ментальным будильником. София просто подстраивалась к Мадлен. Забот с выбором одежды не существовало. Надо было лишь принять душ, надеть форму и отправляться в столовую, где подавали завтрак. Всегда одинаковый завтрак: яйца-пашот, зерновой хлеб и экологический джем.

Затем путь лежал во двор, где она вливалась в шеренги, выстроенные для утреннего собрания.

Его всегда проводил Буссе. Устраивал переключку и говорил о различных ситуациях и приоритетах. Мадлен и София стояли в отдельной шеренге – они считались личным штатом Освальда и в работе подчинялись непосредственно ему. Остальные шеренги отводились хозяйственному отделу, отделу обслуживания гостей, работникам фермы и административному персоналу.

Каждый день София тщетно искала Бенямина Фриска. Осматривала шеренги в надежде увидеть его, но постоянно

оставалась ни с чем.

Недели через две после приезда Софии среди персонала начало распространяться слабое, но отчетливо зарождающееся волнение. Буссе стал холодным и замкнутым. Все казались нервными, а Мадлен прекратила приходить на собрания.

Однажды вечером София спросила у Эльвиры, что происходит.

– Все дело в ремонте жилья для персонала, – объяснила та. – Тебя никто не смеет просить помочь, поскольку Франц лично написал твой проект, но мы, остальные, часа по два в день работаем на первом этаже. Разве ты нас не видела?

Конечно, она их видела. Чтобы попасть в столовую, приходилось пробираться через вихри из опилок, множество досок и инструментов. Однако раньше София это с настроением в группе не связывала.

– А что такого трудного в ремонте? – спросила она.

Эльвира засмеялась. София подумала, что неверно оценивала ее, что она, похоже, приятная.

– Ну, для второго этажа, где мы сейчас живем, Францу, чтобы все сделать, пришлось нанимать какую-то ремонтную компанию. А теперь он сказал, что отремонтировать первый этаж мы должны сами. Понимаешь, это как бы такой тест.

София ощутила искреннюю благодарность за то, что Освальд написал проект для библиотеки. В результате она распоряжалась своим днем сама и работала в собственном

темпе.

* * *

Однажды на утреннем собрании появился Освальд. Он внезапно оказался позади Буссе, который снова повторял, как важен ремонтный проект. Зрелище получалось комичным, поскольку Освальда видели все, кроме Буссе, стоявшего к нему спиной. Когда тот обнаружил, что взгляды всего персонала переместились в какую-то точку позади него, Освальд лишь улыбнулся и сказал:

– Продолжай. Не обращай на меня внимания. Я только послушаю.

Так продолжалось несколько дней. Освальд приходил на собрание и просто стоял с веселой улыбкой на губах. Буссе это нервировало. Он начал запинаться, повторяться и терять нить, стал приносить с собой маленькие записочки. В рядах персонала, вовлекавшегося в отчаяние Буссе и страдавшего вместе с ним, установилась неловкая тишина.

Но вот однажды Освальд вышел на первый план. Взмахом руки он велел Буссе отойти, и тот сразу скользнул в одну из шеренг, как побитая собака.

Освальд некоторое время рассматривал их, кивая собственным мыслям.

– Вы же потрясающий ресурс, – сказал он. – Вы просто пока этого не осознали.

Кое-где послышалось согласное бормотание.

– Я лишь хочу, чтобы вы до конца отремонтировали свое новое жилье. Справитесь?

Ответ «да» прозвучал в унисон, словно на занятиях по военной подготовке.

– Ну и отлично! – произнес Освальд. – Теперь Буссе может прекратить вас упрасивать, а вы можете прекратить притворяться, будто не знаете, как это делается.

Они смотрели на него с надеждой. Хотели, чтобы он продолжил говорить, потому что в группе возникло ощущение общности. Но он уже с ними разобрался.

Персонал стал расходиться, а София осталась на месте, надеясь, что Освальд обратит на нее внимание. Он действительно обратил – и подозвал ее.

– Ну, что скажешь, София? Ты тоже считаешь, что люди обладают большим потенциалом, нежели думают?

– Конечно, так и есть.

– Хорошо. Потому что это мой жизненный девиз. Я ненавижу любую посредственность.

Она толком не знала, какие слова от нее ожидаются, и занервничала от необходимости стоять перед Освальдом молча. Позже она поймет, что ей и не требуется ничего говорить. Освальд не разговаривал с персоналом. Он обращался к нему. Когда же он к кому-то обращался, следовало лишь смотреть ему в глаза и, если позволяла ситуация, кивать или произносить что-нибудь в знак согласия. Но тогда понима-

ние этого к ней еще не пришло, поэтому она нервно водила ногой по гравию.

– Ты работаешь с моей программой в библиотеке? – спросил Освальд.

– Я только этим и занимаюсь.

– И как тебе?

– Программа потрясающая, – солгала София. Или, скорее, преувеличила.

Его лицо слегка просияло.

– Хорошо, хорошо. Продолжай работать. Я хочу видеть все: планы, компьютерную систему, твой список книг для закупки – все целиком.

Тут Освальд быстро шагнул вперед и оказался совсем рядом с ней.

– Волосы, – проговорил он. – Красиво смотрится, когда ты их забираешь. – Посмотрел на узел, который София с большим трудом соорудила на самой макушке.

– Спасибо.

– Правда, мне больше нравится, когда они у тебя распущены.

– Вот как... Но Буссе сказал...

Раньше чем она успела додумать, он провел пальцем по ее голой шее.

– Завтра распусти их. Буссе – дурак.

– О'кей, тогда распушу.

Освальд улыбнулся ей, но тепло в его глазах погасло.

– Ты здесь новенькая, но знай, что мне здесь никто не начальник. И меньше всех – Буссе. А теперь можешь возвращаться к работе.

Когда она торопливо шла через двор, его прикосновение по-прежнему жгло ей шею.

* * *

Однажды, сентябрьским вечером, София впервые в этом году почувствовала приближение осени.

Она возвращалась в библиотеку после вечернего собрания. Задувавший во дворе холодный ветер подхватывал ее куртку и пробирался под одежду к телу. Подняв взгляд, София увидела, что осины и березы почти совсем пожелтели. В природе воцарилось какое-то новое напряжение. Еще оставшиеся перелетные птицы, казалось, не находили себе места, словно предчувствуя долгий полет на юг. Деревья склонялись на ветру, скрипели и беспокойно шелестели. Ее вдруг осенило, что она пробудет на острове всю зиму. Деревья лишатся листвы. Весь остров оголится, станет суровым. С моря надвинутся осенние туманы, о которых все говорят...

София, дрожа, проскользнула в дверь библиотеки в надежде, что там будет немного теплее, но холодный ветер уже отыскал щели в старом доме и продувал его насквозь. Она включила обогреватель. Решила проверить в компьютере свою почту, несмотря на то, что это, вообще-то, было за-

прещено. У нее одной из немногих членов персонала имелся компьютер – правда, предназначенный только для исследований. Но она написала родителям длинное письмо и уже несколько дней ждала ответа.

Ответ пришел, но не от родителей. Сообщение было написано большими буквами над ее собственным мейлом. Своего рода отказ: сведения о внутренних планах организации являются конфиденциальными и не должны сообщаться посторонним.

Кто-то подверг ее мейл цензуре. София представления не имела, что кто-то читает то, что она пишет семье. Даже не знала, что мейлы вообще можно цензурировать. Но, видимо, можно... Ее охватил безудержный гнев. София сразу поняла, кто за этим стоит.

Она в ярости надела куртку и туфли и выскочила на ветер. Нашла Буссе в его офисе, где тот сидел, склонившись над какой-то папкой.

Дверь была открыта, поэтому София вошла и встала перед ним, уперев руки в бока.

– Ты читаешь мои мейлы?

– Да, конечно. Я читаю все мейлы персонала.

– Ты в своем уме? Мои мейлы личные, у тебя нет никакого права их читать! – Ее голос перешел на фальцет и стал пронзительным.

– София, успокойся. Меня вовсе не волнует то, что ты посылаешь. Меня волнует только безопасность группы.

– Безопасность группы? Я писала своей семье.

– Ты подробнейшим образом написала о своих планах в библиотеке. Это их не касается.

София чуть не закричала во весь голос. Но было очевидно, что Буссе не отступится. Ему уже доводилось сталкиваться с подобным, он просто следует какому-то идиотскому правилу которое, вероятно, даже не сам придумал. Кроме того, пронзительный голос Софии остановил работу в большой комнате снаружи, и на них уже смотрело много внимательных глаз. Двое сотрудников встали, устремив на нее неодобрительные взгляды.

София вылетела из комнаты в полной решимости объявить войну, как только соберется с мыслями.

Вернувшись в библиотеку, сосредоточиться на работе она не могла. Ветер усилился и свистел в углах дома. Окна слабо постукивали.

София включила компьютер и решила побродить по Интернету. В основном назло Буссе. «Погуглила» свое имя. В последний раз она занималась этим давно, но злость придавала ей мужества, и теперь хотелось удостовериться в том, что Эллис прекратил писать о ней в блоге.

Обнаружился новый блог с названием «Блог Софии Бауман», и София сейчас же на него кликнула.

Сначала она подумала, что это, должно быть, какая-то ошибка, что смотревшее на нее лицо принадлежит кому-то другому или что это старый пост. Но начав читать текст, по-

няла, что Эллис вовсе не исчез из ее жизни.

Заголовок звучал: «Спасите Софию Бауман от секты!», и текст продолжался в том же духе. Кроме того, здесь имелась фотография Франца Освальда с пририсованными к голове рогами.

София долго сидела неподвижно, пытаясь успокоиться, а по нервам у нее бежал жгучий холод.

Ей даже не хотелось знать, сколько людей прочли блог; хотелось только, чтобы он исчез, чтобы с Эллисом что-нибудь случилось, какое-нибудь жуткое несчастье, что угодно, заткнувшее его навсегда. Казалось невероятным, что он по-прежнему способен заставить ее беситься, хотя она находится далеко на острове в шхерах.

Поразмышляв над тем, сможет ли он как-нибудь до нее здесь добраться, София решила, что не сможет.

Потом она снова подумала о блоге. Интересно, что будет, если он попадется на глаза Освальду?

* * *

Мы целый день искали книгу, эту семейную хронику или как ее, черт возьми, надо называть.

Лили устала и капризничает, а у меня такое ощущение, что я ей скоро врежу.

– Фредрик, я хочу уйти отсюда. Здесь так жарко, противно и мерзко пахнет... Не можем ли мы заняться чем-

нибудь веселым? Ну пожалуйста...

— Нам нужно найти книгу, — отвечаю я сквозь зубы.

— Но почему какая-то старая книга так важна?

— Там написаны вещи, которые я собираюсь использовать.

— Для чего?

— Чтобы показать всем, кто я такой.

— Кончай! Послушай, мы ведь можем пойти купаться или еще куда-нибудь...

Я встаю, хватаю ее за плечи и сильно трясую.

— Кто здесь решает? Прекрати скулить, иначе...

Она испугалась. Отпрянула. В этот миг до меня доходит, что произошло, и я разжимаю руки.

— Ну конечно, она ее спрятала, — говорю. — Старуха ее спрятала.

— Какая старуха?

— Мать. Она не хочет, чтобы я нашел книгу. — Решаю изменить тактику. — Слушай, если ты найдешь ее, я свою тебя в деревню и угощу мороженым, а потом пойдем купаться возле скалы.

Ее лицо просияло.

— Обещаешь?

— Я же сказал.

Она сразу встрепенулась. Носится повсюду, поднимая пыль, выдвигает ящики, сбрасывает все с полок. И происходит немыслимое. Внезапно у нее в руках оказывается ка-

кая-то книга, и Лили морищит нос, пытаясь разобрать ее содержание.

— Давай сюда! — кричу я, поскольку знаю, просто знаю: она нашла то, что нужно.

Вырываю у нее из рук книгу и опускаюсь на пол. Листаю в поисках фрагмента, который должен там быть. Когда нахожу его, передо мной словно отворяются небесные врата, с ангелами, тропами, арфами и прочей дрянью. Адреналин брасывает в кровь, точно приливной волной.

И тут я вижу кармашек. Изнутри к задней обложке приделан оттопыривающийся карман, в котором что-то спрятано.

Вытаскиваю конверт и открываю его. В раскрытую книгу выпадают фотографии.

При их виде из моей груди вырывается стон.

Девочке на снимке не больше двенадцати или тринадцати лет. Она стоит нагишом у стены, с привязанными высоко над головой руками. Снимок сделан в профиль, но я узнаю мужчину, стоящего прижавшись к ее телу, с плеткой в руке. На снимках он моложе, но это все-таки он.

Это настолько великолепно и так вовремя, что у меня прямо перехватывает дыхание.

Я стою неподвижно и слышу за спиной прерывистое дыхание Лили.

Небрежно и глупо со стороны того, кто оставил снимки здесь.

Но мне это на руку.

Раздались громкие удары в дверь. В комнате, как обычно, было совершенно темно, но София инстинктивно почувствовала, что еще ночь, а не утро. Постепенно зажглось освещение, и стала видна сидящая в постели Мадлен. Часы на стене показывали двадцать минут пятого. В дверь снова заколотили, нетерпеливо и исступленно.

– Сбор в столовой через десять минут! Надевайте джинсы!

Голос Буссе звучал сердито и пронзительно. Вероятно, что-то случилось. Какое-то несчастье или экстренная ситуация. Сколько она проспала, София не знала, поскольку до поздней ночи думала об Эллисе и блоге, но точно не больше пары часов.

Эльвира тоже проснулась и сидела, подтянув одеяло к подбородку с безумно испуганным видом.

– Что происходит?

– Не знаю, – ответила Мадлен. – Но надо одеваться и бежать в столовую.

Они в панике забегали по комнате, натягивая джинсы и то, что удалось отыскать в ящиках комодов.

– Ты имеешь представление, что это может быть? – снова попыталась София.

– Нет, Франц вчера засиделся допоздна. Мне, наверное,

не следовало уходить спать...

Когда они спустились в столовую, большинство уже находились там. Они стояли в обычных шеренгах, усталые, с бледными лицами, растрепанными волосами и взволнованными глазами. В комнате было холодно и влажно, в окна стучал дождь.

Освальд стоял прямо перед ними. Одет он был, как обычно: черные джинсы и футболка. Он наверняка не ложился, но усталым не выглядел, а только страшно сердитым.

Он прочел блог!

Эта мысль подействовала на нее, как удар кнута. Несомненно, так и есть. Он сидел в Интернете, увидел этот отвратительный блог и все прочитал. Другой причины, почему он собрал их в четыре часа утра, София придумать не могла.

В дверь вошли несколько отставших, и Освальд сердито уставился на них.

– Все в сборе? – спросил он Буссе.

Тот принялся обходить и осматривать шеренги, считать и бормотать, пока не установил, что присутствуют все, кроме Катарины – главного садовника.

– Она больна, у нее температура, – сказал Буссе. – Я оставил ее спать.

– Я сказал, что хочу говорить со всем персоналом, – возмутился Освальд. – Значит, я буду дожидаться ее.

Буссе умчался. Возникла неловкая тишина. Разговаривать никому не хотелось. Все уставились прямо перед собой,

избегая взглядов друг друга и, прежде всего, избегая смотреть на Освальда. Беззвучность казалась леденящей.

Наконец, вернулся запыхавшийся Буссе вместе с Катариной. Она выглядела ужасно: потная, глаза лихорадочные, а кожа такая бледная, что в холодном освещении приобретала зеленый оттенок. На ней по-прежнему были ночная рубашка и домашние тапочки.

– Пока вы посапывали, я работал до поздней ночи, – начал Освальд. – И по пути домой заглянул сюда, чтобы посмотреть, как идет ремонт. Пойдемте, я покажу вам, как это выглядит.

Увлекая за собой персонал, он прошествовал из столовой по коридору в ремонтируемую часть. Самые низкорослые пытались вытягивать над толпой головы, и в дверях образовывалась толчея. Освальд ничего не говорил. Просто ходил, указывая на доски, разбросанные инструменты, кучи опилок, лежащие на полу защитные очки и банки с краской, даже не закрытые на ночь. Потом обошел и показал им комнаты. Все двадцать. Ни одной готовой комнаты не наблюдалось. Посреди этого бедствия София испытывала облегчение. Все-таки речь шла не о блоге. Кроме того, она, собственно, не несла ответственности за этот хаос.

– Этим проклятым проектом вы занимались три месяца, – проговорил Освальд. – Сейчас я покажу вам, что происходит при таком головотяпстве.

Он вышел во двор, остальные последовали за ним. На ули-

це шел дождь – холодный ливень, почти сразу промочивший их до нитки. София с беспокойством покосилась на кашлявшую позади нее Катарину. Освальд повел их к маленькому хлеву, к лесной части.

Под несколькими соснами, закрепленная во мху, стояла большая белая палатка. Освальд расстегнул молнию на входе и показал им, что находилось внутри. Там вперемешку лежали спальные мешки, подушки и одеяла, а также несколько дорожных сумок. Софии, которая держалась поблизости от Освальда, удалось засунуть внутрь голову. Ее обдало густым запахом плесени и пота от ног.

– Здесь живет хозяйственный отдел, – сказал Освальд. – В главном здании места для них нет. Правда, приятно? Они живут здесь, на моей территории, как в свинарнике.

Он долго стоял молча. Ситуация казалась абсурдной, почти комичной. Дождь усилился и затекал Освальду в глаза и рот, и ему постоянно приходилось моргать и сглатывать. Сквозь грохот ливня слышался лишь kloкочущий кашель Катарины.

Насквозь промокший, с приглушенным дождем голосом, он, возможно, почувствовал, что выставляет себя в смешном виде, потому что лишь покачал головой и произнес:

– Я не желаю иметь с вами дела. Ни с единым мерзавцем. Езжайте домой к маме и папе. Найдите себе работу, которая будет вам по силам. Здесь вам делать нечего.

И он решительным шагом направился обратно к главному

зданию.

Все члены персонала остались стоять, онемевшие, перепуганные и насквозь промокшие.

– Сбор в столовой! – нарушил молчание Буссе.

* * *

В столовой сразу же образовалась маленькая группа, стоявшая в углу и шушукающаяся. В нее входили Буссе, Мадлен и Бенни со Стеном – близнецы, работающие охранниками. Их регулярно видели разъезжающими по территории на мотоциклах или сидящими в будке возле ворот. Высокорослые и упорные, но немного непонятливые – именно такими София представляла себе типичных охранников. Поначалу она считала их идеально подходящими для этой работы. Но настолько ли они хороши, чтобы принимать участие в решении нынешней проблемы?

София обдумывала, не присоединиться ли ей к маленькой группе, чтобы показать, что ситуация ее действительно волнует, но решила подождать. Ей совершенно не хотелось нести какую-либо ответственность за ремонт.

Буссе вскочил на стул.

– Нам надо поднажать изо всех сил, – сказал он. – Покажем Францу, что мы – команда. Пока ремонт не завершится, участвовать в нем должны все. Без исключения. Занимающиеся гостями – следите лишь за тем, чтобы те получали еду

и все прочее. Работать будем до тех пор, пока не закончим.

Надежда Софии скользнуть обратно в теплую постель сразу умерла. Перспектива выглядела скверно. Совсем скверно.

Буссе разделил их на группы, которым предстояло заниматься разными частями ремонта. София вместе с Эльвирой попала в группу маляров.

И началось самое безумное, хаотичное и бессонное время в ее жизни. Дни и ночи сливались в неразбериху, которую способна создать только группа неумелых и не имеющих плана людей. Народ пилил, подметал, шлифовал, обрабатывал наждачной бумагой и красил. Буссе и его новые помощники бегали вокруг, пытаясь заставить всех работать быстрее возгласами «быстрее!» и «у тебя есть пятнадцать минут на то, чтобы это доделать!», но поскольку все эти команды были совершенно бессмысленными, никто их не слушал.

Ночью они спали часа по два, а иногда не спали вовсе. После нескольких бессонных ночей персонал то и дело засыпал, и его приходилось трясти, чтобы вернуть к работе.

София изо всех сил старалась не отключаться. Усиленно красила. Белая краска была у нее на ладонях, руках, ногах и в волосах.

Во что я ввязалась? Что я здесь делаю?

Эта мысль посещала ее ежедневно, но она вместе с Эльвирой продолжала красить. Посреди банок с краской, кистей и скипидара они сдружились. Делились бутылками воды и жевательной резинкой. Сторожили друг друга, когда одна из

них проскальзывала в кладовую, чтобы, когда совершенно выбивалась из сил, немного вздремнуть за стеллажами на жестком полу. Если кто-нибудь из руководящей группы, как они называли компанию Буссе, направлялся в сторону кладовой, сторожившей следовало подбежать и отвлечь их. Потом она трижды кашляла, чтобы разбудить спящую и дать ей время протереть со сна глаза.

Этого хватало – сон на ледяном полу всегда бывал легким и хрупким, как первый тонкий лед на море. Кашель пробивался сквозь него, и спавшая тут же вскакивала на ноги, выбегала из кладовой и продолжала красить.

Каждый раз, когда они, казалось, заканчивали, возникали какие-нибудь претензии: где-то не тот цвет, где-то слишком короткие плинтусы или неподходящая мебель. А каждый раз, когда что-то шло не так, на группу обрушивались новые волны истерики и ярости.

Усталость поглотила Софию. С каждым днем становилось все хуже. Веки казались свинцовыми, а кисть у нее в руке – тяжелой. Но она, стиснув зубы, продолжала красить...

И вот однажды они вдруг закончили.

Все смотрели друг на друга, удивленные, ошеломленные, почти уверенные в том, что это не может быть правдой, что наверняка осталось что-нибудь еще. Однако после нескольких обходов руководящей группы было установлено, что работа закончена.

Освальда они после той жуткой ночи под дождем не ви-

дели ни разу. Теперь его следовало призвать для проверки работы.

Он заставил их ждать два дня. Они чистили и подметали. Передвигали взад и вперед мебель. Полировали дверные ручки, не смея покинуть этаж из боязни, что Освальд внезапно появится.

Придя, он трижды обошел комнаты. В полном молчании. И наконец кивнул.

Ад закончился.

* * *

Освальд устроил им праздник в столовой. Еда, вино, музыка и танцы – будто они попали в новый мир. На праздник пришел и сам Освальд. Разговаривал с персоналом, шутил, смеялся и хлопал людей по спинам.

Увидев Софию, он подошел со своего рода извинениями.

– Я знаю, что ты новенькая. Но иногда необходимо действовать жестко. Ты, наверное, понимаешь это.

– Да, конечно! – весело откликнулась она, надеясь, что Освальд не заметит белую краску, от которой ей не удалось полностью очистить волосы.

Но он взялся за слипшуюся прядь волос возле щеки и провел тыльной стороной пальцев вдоль ее лица до кончика подбородка.

– Надо же, как ты поработала!.. София, замечательно, что

ты здесь.

Ее словно пронзило током – от щеки до низа живота. Она, попытавшись принять безразличный вид, пожала плечами. Однако Освальд заметил все – и перед тем, как идти дальше, многозначительно улыбнулся и поднял брови.

София была по-прежнему обессилена от недосыпа и не могла по-настоящему радоваться. Беспреданно думала о том, что палата пуста и что можно ускользнуть туда, достать ноутбук и послать мейл домой. Дать знать о себе после двухнедельного молчания.

На празднике гремела музыка, но у Софии в голове по-прежнему эхом отдавались звуки ремонта: удары молотка и злобное жужжание электропилы. Она решила незаметно выскочить через входную дверь.

Тут-то она и наскочила на него.

Он, видимо, пришел с улицы, поскольку от него пахло холодным осенним воздухом и запахом кожи от его куртки. Глаза у него были в точности такими, как ей помнилось, – веселыми и живыми. Откинутые ветром назад волосы выглядели забавно. В приоткрытом рту виднелась щель между передними зубами.

– Господи, как я рад, что ты здесь! – произнес он и взял ее за руки.

Внезапно София перестала ощущать усталость.

С тех пор, как я нашел книгу, прошло недели две.

Все это время меня не покидала моя задумка.

Она безумная, головокружительная, но гениальная.

Я покопался и нашел еще доказательства, припрятанные моей кретинкой матерью, которая считает себя чертовски хитрой.

Вот она сидит за кухонным столом и смотрит в окно, надутая и упрямая. Челюсти сжаты намертво, словно она дала вечный обет молчания. Я сажусь на стул напротив нее и заявляю:

– Никто не ненавидит тебя больше меня.

Она не говорит: «О нет!» или «Не смей так говорить!», или что угодно, что сказала бы нормальная мать. Просто таращится, неподвижная и молчаливая, как мертвая рыба. А во всем виновата она – главным образом в том, что мы сидим в этой проклятой хибаре, нищие и жалкие; и все это потому, что ей вздумалось наскоро переспать с графом. При этом я, к своей большой досаде, вижу в ней себя.

Мы – сильные, мрачные и упрямые. Мы – крепкие орешки. Не то что трусливый подонок, сбежавший с острова в такое идиотское место, как Франция.

Нет, я знаю, что похож на нее, и от этого ненавижу ее еще сильнее.

– Я написал ему, – говорю, показывая ей письмо. Подношу прямо к носу, чтобы она могла прочесть на конверте его имя. Тут ее взгляд, наконец, тускнеет от беспокойства, и она открывает рот, чтобы что-то сказать.

Но я уже направляюсь из дома.

Обернувшись на газоне, вижу, что она встала и смотрит в окно.

«Пялься, – думаю я. – Пялься сколько хочешь, но теперь уже поздно».

Туман взялся за остров в начале октября, а с середины месяца вцепился в него железной хваткой. Он прокрадывался ночью, и утром был настолько густым, что из окна спальни София не могла разглядеть сарай. Краски листвы поблекли, и ландшафт обрел золотисто-коричневый цвет. Температура постоянно опускалась. В другой ситуации туман приводил бы Софию в уныние. Но только не сейчас, когда она почти все время думала о Беньямине. Казалось, будто туман превратил остров в сказочный мир с бесконечными занавесями, сквозь которые можно было проходить, чтобы открывать новые края.

Беньямин возникал в библиотеке ежедневно. Когда именно он появится, София не знала, поэтому постоянно пребывала в ожидании и в приподнятом настроении. Для прихода туда у него имелось хорошее оправдание: Освальд велел ему помогать Софии со всеми закупками для библиотеки. Однако часто Беньямин приходил с совершенно несущественными вопросами и делами. Он проявлял такое рвение, что, казалось, вечно куда-то бежит. Едва переступив порог, сразу же заполнял комнату своей энергией. Он забывал снять ботинки, топтался повсюду и оставлял на коврах пятна, сам того не замечая. Его тело постоянно пребывало в движении: он расхаживал по комнате, смотрел в окна, поднимал ве-

щи, опускал их обратно, непрерывно разговаривая с Софией. Правда, усаживаясь напротив нее, просто замирал. Ему удавалось менять свое состояние – от взвинченности до полной расслабленности – буквально за мгновение.

София постоянно вела сама с собой диалог на тему о том, правильно ли вступать в новые отношения так скоро после катастрофы с Эллисом, и без конца перебирала аргументы «за» и «против». Пока она работала, это нервное разбирательство служило ей своего рода фоновой музыкой. Но когда в комнату входил Беньямин, ее голос умолкал. Так продолжалось до воскресенья, когда он показал ей пещеру.

У них был выходной день, и весь остров покрывал густой туман. Мокрым было все: деревья, кусты и пахнущая грибами и гниющими листьями земля. Беньямин показывал Софии новую дорогу через лес, где для того, чтобы пройти, приходилось перелезать через большие покрытые мхом валуны.

С вершины самого высокого камня сквозь деревья виднелось море, серое и пенящееся. Там дуло, но в лесу было безветренно.

Беньямин слез вниз, а София осталась стоять на камне.

– Вот оно! – послышался снизу голос Беньямина.

Она сползла с камня и увидела, что он нашел во мху множество лисичек.

– Это мое тайное место, где растут лисички. Давай соберем.

Он прихватил с собой рюкзак, и они аккуратно положили туда маленькие грибы.

– Возле видовой площадки я покажу тебе кое-что, чего ты еще не видела, – сказал Беньямин.

– Откуда ты так хорошо знаешь остров?

– В детстве у нас здесь была дача.

– Она сохранилась?

Он поспешно отвел взгляд.

– Нет, пришлось продать. Когда мне было двенадцать, от нас ушла мама. Вскоре после этого папа погиб в автокатастрофе. Мы с сестрой остались вдвоем.

– Прости; я хочу сказать, я не знала...

– Ничего страшного. Это было уже давно.

– Почему твоя мама ушла?

– Этого я никогда не узнаю. Она просто исчезла однажды. Правда, тут я немного виню себя... Я всегда задавался вопросом, какую ошибку совершил.

Он слегка съежился, стал казаться меньше.

– Но ты же всегда выглядишь таким веселым!

София сразу услышала, как неправильно это прозвучало – будто он лишил себя права на счастье.

Беньямин встал и закинул за плечи рюкзак.

– А что остается делать? Будущее – вот что главное. Я обрел семью в «Виа Терра».

На видовой площадке дул сильный ветер. Туман у моря слегка рассеялся, но небо по-прежнему оставалось серым.

Волны били так, что от скал отлетала пена.

– Это Дьяволова скала, – Беньямин показал рукой. – Ты о ней слышала?

– Да. Бьёрк, который водит паром, рассказал мне всю историю. Ты во все это веришь?

– Кое во что верю. Однажды, когда я был помладше и висел туман, мне показалось, что я вижу на Дьяволовой скале графиню. Чертовски жуткое зрелище! Там стоял кто-то весь в черном. А потом фигура исчезла в тумане. Как бы растворилась.

– Я летом тоже кого-то там видела. Но все выглядело так, будто это обычный человек. По крайней мере, я так думаю.

– В детстве мы имели обыкновение прыгать с этой скалы, – сказал Беньямин. – Но потом произошло несчастье. Один парень прыгнул и погиб. Его унесло течением в море.

– Ты его знал?

– Немного; он был на пару лет старше меня. Но помню, как мы испугались, когда узнали об этом. Его мать работала в усадьбе. Там тогда жил врач – его я не помню, но помню его дочь, Лили. Она тоже была старше нас. Мы частенько подглядывали за ней, когда она лежала и загорала. Но Лили погибла во время пожара в одном из сараев. Все произошло одновременно. Это было чересчур жутко.

– Может, тогда правда, что на усадьбе лежит проклятье?

– Нет, настолько я в мистику не верю. Но верю, что некоторым душам трудно обрести покой и они могут как бы оста-

ваться.

София взглянула на скалу и чуть ли не различила там фигуру.

– Фу, как ты меня напугал!..

Беньямин засмеялся и обхватил ее за плечи.

– Нам надо спуститься по скалам, – сказал он, озабоченно посмотрев на ее резиновые сапоги. – Будь осторожна, не поскользнься.

Они стали медленно спускаться по крутому склону. София пару раз поскользнулась, но сумела удержать равновесие и старалась не отставать от Беньямина.

Они добрались до маленького поросшего травой уступа между скалами, и там Беньямин остановился. Они находились прямо под Дьяволовой скалой. Она нависала над ними, как огромный потолок. Волны ударялись, завывали и брызгали. Беньямин показал вверх, на поверхность скалы. Поначалу София не поняла, на что он указывает, но затем увидела посреди каменных глыб большое темное пятно. Это мог быть черный камень, но она поняла, что это отверстие.

Беньямин подошел к ней и приобнял ее за плечи.

– Ты должна пообещать, что никому не расскажешь о пещере. Обещаешь?

– Конечно.

– Хорошо. Тогда полезли внутрь.

Пещера оказалась около четырех метров глубиной и полтора метра высотой. Внутри было влажно и прохладно, но

пол оказался сухим. У Софии возникло удивительное ощущение: будто она смотрит на волны из парящего над морем дома.

Беньямин извлек из рюкзака содержимое: несколько деревяшек, сковородку, спички, а также сыр, хлеб и фрукты, которые он выпросил на кухне. Они разожгли костер и обжарили над огнем бутерброды с лисичками. Есть пришлось руками – ножи и вилки Беньямин забыл. Они непрерывно разговаривали, потом немного посидели, молча глядя на море и все-таки не прояснившееся небо. Когда огонь погас, в пещере стало холодно.

– Теперь пойдем, поужинаем в деревне, – сказал Беньямин. – Пойдем в «Фритьофс». Сейчас сезон крабов, а у них лучшие крабы.

Уже начало темнеть, поэтому они пошли в деревню по автомобильной дороге.

Некоторое время шли в полном молчании. София едва различала в тусклом сумеречном свете его лицо, однако чувствовала, что Беньямин над чем-то размышляет. Всю дорогу он обнимал ее рукой за плечи; вдруг его рука соскользнула вниз. София собралась было спросить, о чем он думает, но они как раз подошли к ресторану.

Внутри, в теплом освещении, Беньямин опять вел себя как обычно: смеялся над ее посиневшими от холода пальцами и согревал их, шутил с официанткой; заказал так много крабов и гарнира, что заполнился весь стол. От света стояв-

шей на столе свечи его волосы пылали и выглядели так, будто они горят.

София спросила его о ремонте и лишении людей сна; что он обо всем этом думает.

– Если бы Франц не действовал жестко, ремонт так и не закончили бы, – решительно сказал он.

– Значит, ты фанатичный приверженец?

– Возможно... Понимаешь, «Виа Терра» – моя семья. Другой у меня нет.

– Но ведь это не означает, что некоторые вещи не могут иногда делаться неправильно?

– Ты еще новенькая, София. Привыкнешь. Главное – цель. – Его взгляд снова накрыла та же тень.

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем.

– Кончай. Я же вижу: что-то есть.

Беньямин откашлялся; вид у него сделался смущенный.

– Ну, дело в том, понимаешь... в «Виа Терра», если люди хотят быть вместе, то ожидается, что они... хм... съедутся.

– Съедутся?

– Я просто хочу, чтобы ты, прежде чем мы что-нибудь сделаем, знала правила. Похоже, тебе их никто не объяснил.

– Какие правила?

– Сексом можно заниматься, только если люди живут вместе или женаты.

– Кто говорил о сексе?

– Ты усложняешь мне ситуацию.

– И какой болван придумал это правило?

Беньямин засмеялся.

– Наверное, Франц. Но ты ведь понимаешь, что произойдет в такой маленькой группе, если народ начнет спать друг с другом налево и направо?

София ненадолго задумалась. Все это увлекало ее, казалось новым, необычным, слегка щекотало нервы – и почему-то, как ни странно, ей это нравилось.

– Но ведь наличие правил не означает, что их нельзя немного расширить?

Беньямин согласно кивнул, словно они заключили некий контракт.

* * *

Когда они покинули ресторан, стало совсем темно. С ясного неба на них светил полумесяц. От дыхания шел пар, воздух кусал щеки холодом. София подняла воротник и засунула руки в карманы куртки. Беньямин обнимал ее за плечи.

Путь до «Виа Терра» был не ближний, но они шли быстро. София клонилась к Беньямину и периодически опускала голову ему на грудь.

Сидевший на вахте Стен рассеянно махнул им рукой и открыл калитку. Когда София подняла взгляд, ей показалось,

что она заметила свет в окне чердачного этажа, который не использовался. Но тут свет снова пропал, и она подумала, что ей, наверное, почудилось.

* * *

Правила они расширили всего через пару недель. Больше об этом разговора не заходило, но напряжение между ними возросло настолько, что его визиты в библиотеку стали невыносимыми.

У них был выходной день, и Беньямин забрал ее у ворот. Они даже не обсуждали, куда пойдут, – ноги сами направились к летнему домику, а руки судорожно переплелись. На последнем участке пути она прильнула к нему. Заметила, что его дыхание стало слегка неровным.

У Софии имелся опыт хорошего секса и плохого секса, но запретный секс был для нее в новинку. Она вошла в домик первой, и Беньямин сразу обнял ее со спины. Поднял распущенные волосы и нежно поцеловал в затылок. Потянул за мочки ушей. Попытался засунуть руки ей под одежду, но застрял одной рукой между пуговиц. София потащила его за собой к кухонному дивану и там они рухнули, нетерпеливые, но неловкие в верхней одежде. Скатились на половик. По пути София по ошибке схватилась за кружевную скатерть стола так, что полетел подсвечник и едва не угодил Беньямину в голову. Заходясь смехом, они сумели стянуть друг с дру-

га одежду: куртки, ботинки, перчатки, брюки и свитера, всё вперемешку. Они смеялись и тяжело дышали, а куча одежды росла.

«В первый раз так и должно быть, – думала София. – Дико и прекрасно». Потом подумала о том, что произойдет, если кто-нибудь войдет в домик и застанет их на полу, но решила, что ей все равно, даже если это окажется сам Освальд. Они были словно сошедший с рельсов поезд, и ничто не могло их остановить.

Потом, когда они лежали, переплетясь друг с другом, на половике, София подумала, что запретный секс, пожалуй, круче всего.

Ее голова покоилась на его плече, и они долго лежали так, не шевелясь. Без сил, совершенно опустошенные.

– Каково будет наказание? – наконец спросила София.

– Наказание?

– Да, за то, что мы сделали.

– Сделали что?

– Давай, колись.

– Ну, ничего хорошего. Исключение из группы. Увольнение. Отправка обратно на материк.

– Кончай! Только за то, что люди занимаются сексом, не живя вместе?

– Да, так и есть. Но нам ведь необязательно рассказывать? Это же сугубо наше дело.

София подумала о ждавшей ее в недалеком будущем биб-

блиотеке. Каково будет объяснять семье и друзьям, что она не справилась, что ее выгнали...

– Именно. Это ни одной собаки не касается.

* * *

Я сижу на скале, уставившись в туман.

Думаю, как странно, что он не редет, хотя уже весна. Возможно, это знак, обращенный ко мне призыв отправляться в путь.

Моря почти не видно; слышно только, как оно ударяется о скалы. Несколько уток слетают вниз и приводняются, превращаясь в маленькие коричневые шарики. Я жалею, что оставил ружье дома. Бросаю в них камень, они вспархивают и улетают.

Поднимается небольшой ветер, и туман над морем начинает рассеиваться; уже виден маяк, как парящая в дымке точка. Редкое зрелище. Не красивое, потому что понятие «красивый» я никогда не употребляю, – им пользуются слабаки, чтобы показать, какие они чувствительные.

Но возле моря спокойно, пожалуй, даже безмятежно.

Ответа на письмо я не получил, но это не имеет значения. Теперь он знает.

Все готово. Я заложил мамашины украшения – предметы, которых она хватится, только когда я буду далеко от острова.

Билет надежно спрятан у меня в кармане брюк. Рюкзак с книгой и другими важными бумагами лежит под кроватью. Я думаю о своем отбытии, о том, как я исчезну. Какие чувства охватят меня по возвращении, когда со всем будет покончено.

Теперь мне необходима последняя ночь с Лили – церемония и подтверждение.

Тут раздается звук. Он доносится с моря и эхом отдается о скалы. Глухой, монотонный рев со стороны старого маяка.

Туманный рупор.

Моя первая мысль: этого не может быть. Известие предназначено кому-то другому, какому-нибудь старику в деревне или склонному к суициду придурку, блуждающему в лесу. Это предупреждение тому, кому суждено умереть.

В начале ноября, по пятам за туманом, нахлынул шторм. Шведский институт гидрологии и метеорологии объявил третий уровень опасности, поэтому все истступленно подготавливали территорию. Закрепляли всё, что лежало на земле, загоняли животных в сараи, тестировали резервный генератор.

София зашла в Интернет, посмотреть, что означает это предупреждение. «Большие материальные потери, крупные сбои в важных сферах общественной жизни, опасность для населения». Ей еще не доводилось бывать на острове во время шторма. Буссе рассказал Софии о прошлогоднем осеннем шторме, когда уровень воды поднялся больше чем на метр и находиться на улице было невозможно – деревья падали, как кегли. Тогда они целую неделю сидели без электричества.

– У них там, на материке, было по уши забот с починкой электросети, поэтому нам пришлось ждать. Но теперь у нас есть собственный резервный генератор, – с гордостью сказал он.

Ветер начал свистеть и завывать ближе к вечеру. София сидела в библиотеке и выверяла список книг. В этот список она буквально вложила душу. Освальд говорил, что хочет его посмотреть, но София хорошо подготовилась. Точно знала,

сколько полок займут книги, как их следует каталогизировать и почему она выбрала именно эти книги.

У нее также имелся другой, более короткий список с книгами спорного или эротического содержания, которые Освальд едва ли одобрил бы, если б прочел их. Впрочем, она была почти уверена в том, что он их не читал. София собиралась, когда все закончит, объединить списки, перемешав спорные книги с другими. Проект полностью поглощал ее, и она часто думала о том, как хорошо по завершении он будет смотреться в ее резюме.

Шторм набирал силу. Уже стемнело. Было пять часов, а ветру предстояло достичь кульминации около полуночи.

От его порывов клонились осины позади здания и дребезжали стекла. Ветер отыскивал все щелочки в старом доме, и внутри стало промозгло и холодно. Перед уходом на ужин София закрутила термостат. Когда она пересекала двор, ветер подхватил ее пуховик, и ей пришлось остановиться и обрести равновесие, чтобы не швырнуло вперед. По воздуху откуда-то прилетела и упала на землю ветка дерева, по двору катался один из цветочных горшков. Последний участок пути София шла, наклоняясь вперед и борясь с ветром.

За ужином Буссе встал и произнес маленькую речь о правилах поведения ночью. Всем следовало оставаться в доме и быть готовыми подключиться, если что-нибудь произойдет. Никаких прогулок!

София фыркнула. Будто кому-нибудь могло взбрести в го-

лову прогуляться в темноте, рискуя быть убитым падающим деревом...

Когда настало время отхода ко сну, ветер еще больше усилился и стало так темно, что ничего не было видно; слышался лишь шум. Пара веток, пролетая мимо, ударились в стекло. В воздухе настолько чувствовалось статическое электричество, что зудело под кожей. Софии начало становиться не по себе. Она немного поговорила с Мадлен и Эльвирой, но, когда пришло время гасить лампу, все стало казаться ей неправильным.

– Не можем же мы просто лежать в темноте и слушать этот кошмар. Неужели нам обязательно опускать шторы? А если что-нибудь случится?

Мадлен собиралась было возразить, но Эльвира поддержала Софию.

– Я тоже не хочу лежать в темноте и слушать ветер, мне безумно страшно, – сказала она.

В виде исключения они оставили шторы поднятыми.

Софии было трудно уснуть из-за завываний шторма. Со двора доносились грохот и удары от летающих в воздухе предметов, но под конец она погрузилась в похожее на сон состояние. Долгое время то засыпала, то просыпалась, пока ее внезапно не выдернуло из сна. Вся комната на мгновение осветилась, а следом раздался сильный удар грома.

София рывком села. Снова сверкнула молния и послышался удар, но на этот раз он был настолько громким, что она

выскочила из постели и подбежала к окну. Во дворе валялся кусок сломанного пополам флагштока. Две фигуры, борясь с ветром, двигались к сараям.

Произошедшее потом останется запечатленным у нее в памяти в ультрарапиде, хотя все случилось за долю секунды. Небо пересекла молния, и одновременно раздался оглушительный удар грома. Молния попала в большую сосну позади хлева; та, похоже, раскололась, повалилась на хлев и потянула за собой линии электропередачи. Из соломенной крыши вырвались огромные языки пламени.

Мадлен и Эльвира тоже проснулись и теперь сидели в постелях, вытянувшись в струнку.

– Черт возьми, пожар! – закричала София.

Она сразу вспомнила пожарные учения, которые с ними проводил Буссе в конце лета. Тогда эти учения ее раздражали. Следовало разбудить всех криком «Пожар!» и сказать, где горит. София натянула ботинки и набросила поверх ночной рубашки пуховик.

– Пожар, вы что, не понимаете?! – крикнула она Мадлен и Эльвире так громко, что те выскочили из постелей и начали искать одежду.

Выбежав из комнаты, София принялась стучать по дверям в коридоре.

– Пожар в хлеву! Пожар в хлеву! – кричала она, перебегая от двери к двери.

Когда уже мчалась на первый этаж, позади нее возникла

Эльвира.

– Проследи, чтобы все проснулись и спустились вниз! – крикнула ей София.

Во дворе царила полная темнота, только на крыше хлева бушевало пламя. Вероятно, из-за обрыва линии электропередачи отключилось электричество. Но тут слышалось та-рахтение резервного генератора, и освещение во дворе снова зажглось. Теперь стали видны Буссе и Стен, тащившие в сторону хлева пожарный насос. Ветер немного утих, но гроза свирепствовала. Сверкали молнии, грохотало, и София подумала, что находиться на улице, наверное, опасно для жизни.

Со стороны хлева доносились мычание, блеянье и истерическое кудахтанье.

– Я выпущу животных! – прокричала она Буссе.

– Нет, они тебя затопчут! – заорал тот в ответ, направляя шланг на огонь. В сторону крыши взмыла струя воды, но пламя лишь поднималось выше, к кронам деревьев.

Вой из хлева стал непереносимым.

Мысли возникали быстро, но тело действовало еще быстрее. Оно, словно фигура в компьютерной игре, все время на шаг опережало мысли. София уже открыла дверь хлева, решив, что лучше пусть животные ее затопчут, чем сгорят внутри.

В хлеву царил полный хаос. Огонь трещал на крыше в самой глубине, где находилась клетка с курами. Пахло дымом

и горелым деревом. Животные инстинктивно чувствовали опасность; они топтались, вопили, и глаза у них закатились от страха так, что виднелись белки.

Первым делом София открыла калитку загона для овец, и те сразу бросились к дверям, придавив ее к стене, но ей удалось выгнать их наружу. Коровы в стойлах, совершенно перепуганные, начали бросаться на двери.

София забралась на одну из загоронок, оставив проход свободным. Одну за другой она выпускала коров, и те сразу кидались в проход и исчезали через дверь.

Огонь уже проник через крышу, и языки пламени лизали клетки с курами. Проход начал заполняться просочившимся внутрь густым дымом. София боролась с дверцей клетки. Но когда та наконец открылась, куры стали просто бесцельно порхать, крича и кудахтая.

Она схватила стоявшие в проходе вилы и принялась гнать ими кур в направлении двери.

– Пошли вон, черт возьми, выметайтесь!

Наконец они разобрались, в чем дело, и ринулись по проходу, но две сбитые с толку птицы, внезапно повернув прямо в огонь, принялись носиться там, точно горящие факелы, издавая кошмарные звуки. В то же время раздался жуткий грохот от рухнувшей в дальнем конце хлева балки.

Густой дым заполнил проход, дышать было больно. Потом воздуха вообще не стало, в глазах зарябило и начало темнеть. Позади Софии затрещало, и жар от огня обдал ей спи-

ну, вбросив в кровь последнюю каплю адреналина, которая отправила ее на подгибающихся ногах вон из хлева. Снаружи она повалилась на спину, вдохнула холодного воздуха и осталась лежать, уставившись на мчащиеся по черному небу тучи.

– София, как ты? – Это подросел Бенъямин. Присев возле нее на корточки, он до боли сжал ей руку и велел: – Дыши, София, дыши!

– Спасибо за напоминание, – произнесла она и попыталась засмеяться, но из ее легких вырвался лишь хрип.

– Нужно найти врача.

– Нет, я в порядке. – Ее голос казался уже более твердым. Тут подошел Буссе вместе с еще двумя членами персонала.

– Черт, София, тебе следовало меня послушаться!

– Но я не послушалась – и почти все животные спасены, – проговорила она и села.

Во дворе толпился народ, персонал и гости вперемешку. Некоторые боролись с огнем, другие загоняли животных в пустой сарай поодаль. Они действовали на удивление слаженно, все были в движении, каждый чем-то занимался.

В этот момент пошел сильный ливень. Соединившись со струями из пожарных шлангов, он погасил огонь, так что остались только дым и едкий запах пожара. Дальняя часть хлева сгорела, и от обуглившегося каркаса поднимался густой серый дым. Стоял жуткий холод, но это не имело значения. Все продолжали работать.

Когда все было закончено и пожарные шланги свернуты, они просто стояли под дождем и смотрели друг на друга. От облегчения их лица казались красивыми. София подумала, что никогда не забудет эту картину.

Поискав глазами Освальда, она поняла, что его здесь нет. Повсюду стояли гости в перепачканной мокрой одежде – кое-кто в пижамах и ночных рубашках, – но Освальд отсутствовал. София подняла взгляд на усадьбу и увидела стоящую на балконе фигуру. Силуэт мужчины, который смотрел на них сверху со скрещенными на груди руками. Казалось, будто он кивает.

Словно приглядывающийся к ним сторонний наблюдатель.

* * *

В дни после пожара София постоянно возмущалась Освальдом перед Бенямином.

– Какого черта он делал там, на балконе?

– Не знаю, София. Наверное, хотел посмотреть, как мы справляемся.

– Весь хлев чуть не сгорел, вместе с животными и всем прочим...

– Кончай зудеть. Франц любит держаться немного в стороне.

– Гости тоже были там, в ночных рубашках...

– Послушай, если б я знал тебя хуже, то сказал бы, что ты немного заиклена на Франце.

– Заиклена? Да ведь здесь все на нем заиклены.

– Я – нет. На самом деле он просто обычный парень; лучше воспринимать его с долей скепсиса, а не делать из него какого-то бога.

Так они препирались несколько дней, пока Освальд не пришел на собрание и не наградил Софию за вклад в тушение пожара премией и двумя свободными днями. Он сказал, что в тот день на острове присутствовал начальник полиции лена Вильгот Эстлинг и видел, как она спасала животных.

* * *

Проглотив обиду, она взяла премию и выходные. Поехала на пару дней домой, в Лунд, чтобы повидать родителей и встретиться с Вильмой.

Мама волновалась больше, чем когда-либо. Софии потребовался почти целый день, чтобы успокоить ее, многократно заверяя, что ей там нравится и все у нее хорошо. О пожаре она не обмолвилась ни словом.

Возвращение домой вызывало у нее странные чувства и регулярную перемену настроения. Иногда на нее нападала такая тоска, что хотелось остаться в Лунде, а временами она не находила себе места и рвалась поскорее уехать обратно на остров.

Вильма держалась несколько напряженно, словно надеялась избежать в разговоре какой-то темы.

– Вильма, в чем дело?

– Да ни в чем.

– Черт возьми, я же чувствую, ты что-то скрываешь.

– Я не хочу тебя волновать.

– Выкладывай!

– Я получила мейл от Эллиса. Не знаю, как эта свинья до была мой адрес, ведь я его несколько раз меняла. Он спрашивал, где ты.

– Что ты ответила? Надеюсь, ничего не рассказала?

– С ума сошла? Я сказала, что ты получила работу во Франции.

– Что он ответил?

– Он написал: «Ты врешь, сука».

– И всё?

– Всё.

– Какая же он скотина... – Из глаз Софии хлынули слезы, потом появилось знакомое ощущение неприязни и паники, связанное с Эллисом. – Что мне делать? Он будет преследовать меня до бесконечности.

– Ах, у вас ведь есть охранники, стена и все такое... Что он сможет сделать? Будет продолжать писать о тебе разные вещи в Сети, но если ты не станешь отвечать, ему это надоест.

* * *

В день ее возвращения на остров выпал первый снег. Крупные снежинки кружились, образуя пред паромом пятнистый туманный занавес. Сосны на вершине острова уже побелели, и гавань казалась сотканной из хлопка.

Возникло ощущение, что она вернулась домой.

* * *

Что-то пошло не так.

Совершенно неожиданно, необъяснимо и адски неправильно. Но всему виной была она.

У нас есть ясные и четкие правила игры. Она их нарушила.

И вышло то, что вышло.

Вечер мы подготовили до мельчайших деталей.

Она лежит в соломе на накидке. Руки вытянуты над головой. Волосы разметались, как горящий огонь. Перед ней свечи с трепещущим пламенем.

Я стою и смотрю на нее, пока член окончательно не затвердевает, и тогда достаю ремень.

Она к этому привыкла, испуганной не выглядит, а жаль — я люблю этот ее взгляд.

Существует один трюк, которому я научился: входя в нее, одновременно затягивать ремень. Так получается лучше всего. Максимальное наслаждение.

Я тщательно слежу за тем, чтобы в этот, последний раз все было правильно.

Обвиваю ее горло ремнем. Наклоняюсь над ней. Трахаю ее и одновременно тяну ремень. Она тяжело дышит и стонет. Мне так хорошо, что я ненадолго почти забываюсь, но тут она начинает упираться и дико брыкаться.

И кричит, надрывно, пронзительно. Это вовсе не входит в условия игры.

Ее кто-нибудь может услышать. Надо, чтобы она прекратила.

Я еще немножко затягиваю ремень, только чтобы заставить ее замолчать.

Глаза у нее странно закатываются, виднеются одни белки. Внезапно я чувствую, что она как-то подозрительно обмякла на соломе.

Ослабляю ремень. Пытаюсь трясти ее, чтобы привести в чувство. Но она будто сделана из желе, мягкая и безжизненная.

Вдруг мою ногу пронзает дикая боль. Обернувшись, я вижу огонь. Вероятно, она перевернула ногами свечу, потому что солома позади меня пылает и большие языки пламени лижут мне пятки.

Я с криком вскакиваю и хватаю брюки. Швыряю их на

огонь, пытаюсь подавить его, но становится только хуже.

Брюки пылают, огонь, потрескивая, распространяется по соломе. Тут я осознаю, что совершенно голый. Натягиваю трусы – первое, что попало под руку.

Мысли у меня завертелись со страшной скоростью: необходимо разобраться с этим, необходимо себя обезопасить...

Я складываю ей руки на груди. Накрываю ее тело накидкой. Большие я ничего сделать не могу.

Я тороплюсь, поскольку огонь распространяется и уже достиг ее ног.

Я выскакиваю из сарая. И мчусь как безумный.

Она ощущала себя виноватой. Параллельно с чувством вины возрастало беспокойство, что их засекут. Они стали проявлять беспечность. Поспешный секс в туалете библиотеки, его рука на ее попе в очереди за едой – влечение вынуждало их рисковать. София чувствовала, что не в силах вообще ни на чем сосредоточиться. Ей казалось, что персонал посматривает на нее с подозрением. Когда на собрания приходил Освальд, она не смела смотреть ему в глаза. В конце концов поймала себя на мысли, что хочет, чтобы Беньямин ненадолго уехал на материк и она смогла бы спокойно поработать.

- Нам нужно прекратить.
- Что ты имеешь в виду?
- Что нам нужно прекратить. У меня больше нет сил.
- Нет, София. Тогда нам, наверное, стоит съехаться вместе.
- Ни за что. Или, по крайней мере, не сейчас. Я должна закончить с библиотекой.
- Но ведь в том, чтобы съехаться, нет ничего странного. И нам больше не придется спать в палатах.
- Возможно, позже, а сейчас давай сделаем перерыв.
- Какой перерыв?
- Никакого секса, пока библиотека не будет готова.

– Это будет трудно.

– Пусть будет трудно.

Она смотрела в окно, как Беньямин уходит из библиотеки, недовольный и мрачный. Переходя через двор, волочил ноги. Демонстративно. Знал, что она его видит. София вздохнула, подумав, что действительно будет трудно.

Наступило второе воскресенье адвента⁶. Казалось, им предстоит белое Рождество. На всей территории лежал снег глубиной сантиметров двадцать, и расчищать дорожки приходилось почти каждый день. Небо временами прояснялось, но быстро снова затягивалось тучами в преддверии нового снегопада.

София решила ехать на Рождество домой, к родителям. Беньямин попытался уговорить ее остаться на острове. Он рассказал о прошлогоднем Рождестве, когда персоналу дали четыре свободных дня и все праздновали вместе.

Но она была непреклонна: поеду домой.

Сумерки только начинались, и посреди двора зажглась большая елка. Кто-то ходил вокруг, зажигая фонари и факелы. Было так красиво, что София затрепетала.

В громкоговорителе на стене зажужжало, потом послышался голос Мадлен, эхом отдающийся в пустом доме:

– Зайди в офис Франца. Немедленно!

Голос, как обычно, звучал нервно и серьезно, но София

⁶ Адвент – название предрождественского периода, принятое, в частности, в лютеранской церкви.

научилась воспринимать Мадлен с долей скепсиса. Ситуация никогда не бывала настолько серьезной, как та намекала.

София надела ботинки, зимнюю куртку и побрела по расчищенной дорожке к усадьбе нога за ногу – в основном чтобы позлить Мадлен, если та увидит ее из окна. Под ботинками скрипел снег. На небе виднелись сверкающие звезды и полная луна. Воздух был холодным и свежим, пахло дымом от каминов гостевых домиков. От столовой доносились другие замечательные ароматы: запах свежего хлеба, глинтвейна и запеченного окорока.

Когда она постучала в дверь офиса Освальда, оттуда вышла Мадлен с недовольным выражением лица и прижатым к губам пальцем. София смогла увидеть, что Освальд внутри разговаривает по телефону.

– Почему ты так долго? – прошипела Мадлен.

Ответить София не успела – Освальд как раз положил трубку и помахал ей, чтобы она заходила.

В офисе не было никаких рождественских украшений, даже маленького рождественского подсвечника или звезды. «Все белое, холодное, унылое», – подумала София.

– Заходи, садись.

Она уселась напротив. Освальд посмотрел на нее и кивнул, будто она что-то сказала. София расценила жест как своего рода одобрение. После пожара она вышла у него в любимцы. Она это знала, поскольку после собраний Франц иногда подходил и разговаривал с ней. Части персонала он во-

обще не уделял внимания. София также видела, что к некоторым он поворачивался спиной, когда они пытались к нему приблизиться.

– Видишь ли, мне нужно на несколько дней уехать... – сказал он. – А очень хотелось бы посмотреть твой план библиотеки. Но времени слишком мало. Я вернусь двадцать второго декабря. И подумал, что мы можем посвятить твоей презентации двадцать третье и, возможно, если потребуется, первую половину дня Сочельника. Меня это очень устроило бы. Я слышал, что ты планируешь поехать домой, и интересуюсь, не можешь ли ты немного отложить поездку.

Мысли завертелись с бешеной скоростью. Одинокое сидящее за рождественским столом родители. Дни, которые она обещала провести с Вильмой. Работать в Сочельник! У нее возникло неприятное ощущение, что Освальд стремится контролировать ее жизнь, что это вовсе не предложение, а приказ.

Прежде чем София успела открыть рот, он продолжил:

– Весной у нас ожидается совершенно особый гость. Журналист по имени Магнус Стрид. Можно надеяться, что он про нас хорошо напишет. Поэтому мне очень хочется, чтобы библиотека была готова и он смог ею воспользоваться.

– Но... весной! Ведь времени еще много? – вырвалось у нее.

– София, я перфекционист. Я хочу иметь много времени. На лбу у него образовалась маленькая морщинка – при-

знак раздражения.

Ее планы на рождественские праздники пошли прахом. София поспешила ответить, чтобы он понял, что она способна выдержать небольшое давление с его стороны.

– Тогда так и договоримся. Двадцать третьего.

– Отлично. Я с нетерпением жду твоей презентации.

* * *

София работала почти круглосуточно вплоть до утра кануна Сочельника. Освальд назвал себя перфекционистом. Она ему покажет. Все будет лучше, чем он когда-либо мог себе представить. Презентация в «Пауэр Пойнт» с фотографиями и обобщением данных, с четкими цифрами финансовых затрат – ценой каждой книги, с демонстрацией, как она будет каталогизировать все в компьютере, и даже с образцами ткани, которая запланирована для мебели. Последнюю ночь София проработала без отдыха, – все тестировала, снова и снова репетировала свое выступление.

Утром, выпив три чашки кофе, она с пульсирующим в венах адреналином открыла ему дверь.

Он притащил с собой половину персонала. Разумеется, Мадлен, но также Буссе, Стена с Бенни, кое-кого из других отделов и еще Беньямина, который вошел с несколько смущенным видом. София удивилась, зачем все они пришли сюда. Нервозность стала распространяться из живота по всему

телу, пока на ладонях и лбу не выступил пот. Она вытерла лоб рукавом рубашки, надеясь, что никто этого не заметит. Стульев на всех не хватало; Освальд уселся на стул для посетителей, а остальные встали позади. Стояли и пялились на нее. Воцарилась такая тишина, что стало слышно, как за окнами дует ветер.

София снова проверила монитор. Откашлялась, побаиваясь, что начнет заикаться или вовсе лишится дара речи. Но когда она заговорила, голос ее зазвучал нормально.

На протяжении всей презентации Освальд сидел молча. Ни единого вопроса. Ни единого звука. Иногда он смотрел в окно, в сторону от монитора, в никуда. Чем дольше София говорила и объясняла, тем больше незаинтересованности он проявлял. В комнате по-прежнему стояла гробовая тишина.

Когда София закончила, все дружно вдохнули – и казалось, что они никогда не выдохнут. Ждали окончательного суждения. София подумала, что хорошим оно никак быть не может, поскольку, когда она пыталась встретиться с Освальдом взглядом, он сразу начинал смотреть в другую сторону. Не зная, что именно от нее теперь ждут, София сказала, что еще есть полный список книг, но тут Освальд поднял руку и остановил ее.

– Списанием я займусь завтра, София.

Она посмотрела на него с удивлением.

– Я сразу знал, что одобрю твой план. Профессиональная презентация. Хорошо продумано. Отличная работа, София.

Я с удовольствием возьму список книг и завтра его прочитаю. – Он повернулся к Мадлен: – Проследи за тем, чтобы ей выдали всё, что требуется: деньги, транспорт... всё.

София оглядела присутствующих в комнате. Бенъямин, похоже, испытывал облегчение, но остальные... Ей, наверное, просто так казалось, но они выглядели слегка разочарованными.

Через некоторое время Бенъямин вернулся и просунул голову в дверь.

– Классная работа! – произнес он. – Ты знаешь, как угождать Францу.

– Вряд ли. Я просто упорно работала, вот и всё.

Он вошел, не сняв ботинки. София едва успела остановить его, чтобы он не прошелся в них по свеженатертому полу.

– В столовой накрыли экологический рождественский стол, – сообщил Бенъямин. – Я пришел за тобой.

– Тогда идем.

Он помог ей надеть пальто, откинул ее волосы, подул в затылок и сказал:

– Теперь ты на какое-то время станешь героиней. Но есть такие, кто тебе наверняка завидует, помни об этом.

– Кого ты имеешь в виду?

– Да неважно...

– Говори!

– Просто девушек. Никого конкретно.

Когда они вышли во двор, София опять увидела свет на чердаке. Хотя была середина дня, наверху в окне что-то светилося.

– Смотри! На чердаке кто-то есть, – сказала она Беньями-ну.

Прищурившись, он покачал головой.

– Просто в окне отражается солнце.

– Почему тогда ничего подобного не видно на других эта-жах?

– Ну, хватит. Пойдем праздновать Рождество.

* * *

Одобрение списка книг поступило от Освальда, когда прошло не только Рождество, но и Новый год. Январь начался со снежного бурана, который истерзал остров и по большому счету похоронил усадьбу. София сидела в библиотеке и дрожала. Ее обогреватель не мог нагреть дом, ведь температура изо дня в день держалась на уровне минуса двадцати градусов. Она сидела полностью одетой и завернувшись в плед. За окном с водосточных желобов свисали длинные сосульки, сверкая в лучах послеобеденного солнца, точно январь.

Когда в дверь постучали, София сразу узнала слабый и нетерпеливый стук Мадлен. Она открыла дверь, и сердце ее сразу слегка подпрыгнуло, когда она увидела в руках у той

список книг.

– Седьмого апреля! – решительно заявила Мадлен.

– Седьмого апреля?

– К этому дню библиотека должна быть полностью готова. Тогда Францу хватит времени, чтобы спокойно все проверить перед приездом Магнуса Стрида.

И, развернувшись, она удалилась по глубокому снегу.

София села и принялась с нетерпением перелистывать длинный список. На первом листе Освальд написал: «О'кей, с некоторыми изменениями». Он вычеркнул названия двух книг, остальное оставил без комментариев.

Тут она увидела его пометку на самом последнем листе списка:

«Все книги религиозного или философского содержания должны снабжаться листком, где четко говорилось бы, что они находятся здесь исключительно в качестве справочной литературы, поскольку в "Виа Терра" мы следуем собственным, четко проложенным путем».

Это отдавало сектой. София подумала так впервые. Она всегда представляла себе секту как группу сумасшедших, которые расхаживают в сандалиях, несут чепуху о Боге и сыплют разными цитатами из Библии. Бледные личности-неудачники. Хотя здесь ведь было не так...

Она отложила список. Подумала, что Освальд получит свои дурацкие листочки в книги, что это не имеет значения, поскольку она страшно рада. Пять месяцев изнурительного

труда – и теперь остается лишь открыть библиотеку.

«Но сегодня я ни черта делать не буду, – подумала София. – Только расслабляться, целый день. Я это заслужила». Она включила кофеварку, скинула форменные туфли, села на стул, поджав под себя ноги, и открыла браузер. Решила «погуглить» свое имя – сегодня удачный день, и она наверняка выдержит новые посты в блоге и всякие пакости.

Однако найти новые посты София не смогла, хотя варьировала слова и их написание, даже меняла собственное имя. Там все равно ничего не было. Ни одного блога или поста про нее. Никаких следов Эллиса.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Похоже, ад наконец остался позади.

* * *

Я почти наскакиваю на него.

Он направляется к сараю. Зачем, не знаю. Возможно, подглядывать за нами.

Домой. Я знаю, что должен добежать до дома, пока никто меня не увидел.

Но передо мной возник он, и у меня в мозгу происходит короткое замыкание.

Первая мысль: сбить его с ног и засунуть в сарай к Лили. Но я замешкался, потому что он смотрит на меня с сильным испугом, и тут я соображаю, что стою в одних трусах.

– Фредрик, что ты делаешь...

Я бросаюсь бежать со всех ног. Он – следом. Слышу позади себя топающие шаги, его тяжелое дыхание, ломающиеся ветки и его противный голос, повторяющий мое имя.

Но я быстрее. Мчусь через двор, в лес, по тропинкам. Знаю, куда направляюсь, но не знаю зачем. Меня влечет к себе скала, я ощущаю невероятную силу, которая подгоняет меня и клокочет во мне.

Его пыхтение позади меня стихает.

Когда я достигаю торфяника, его больше не слышно.

Передо мной полная луна, черное море и скала, а где-то позади меня – он.

Выбегаю на скалу. Секунду сомневаюсь. Оборачиваюсь и вижу, что он появляется на торфянике. Кричит: «Фредрик!» Вопит так, что пугает сову, и та взлетает в темное небо.

Тут я вижу далеко позади себя огонь, пламя которого поднимается к небу. Горит сарай.

Я разбегаюсь и ныряю. Мое тело вонзается в воду, словно нож.

И я исчезаю.

Весна пришла рано. В конце марта весь снег за неделю смыло дождем. Вокруг острова установилось удивительно высокое атмосферное давление, и средняя температура за несколько дней подскочила от минусовой до плюс тринадцати градусов. На острове все сразу ожило: птицы, насекомые, растения.

София почти закончила с библиотекой. Беньямин превзошел себя и, совершив множество ездов на пароме, переправил сюда все книги, которые теперь стояли на полках, распространяя вокруг себя приятный запах. Компьютерная система была готова, мебель расставлена по местам. В половине шестого утра София пришла в библиотеку для последней проверки – чтобы к приходу Освальда все было в идеальном порядке.

Позади нее закрипел пол, и, обернувшись, она увидела перед собой Освальда. Как он открыл дверь, она не слышала. Освальд был одет в кожаную куртку и голубые джинсы, глаза казались слегка красноватыми, на щеках виднелась отросшая за день щетина.

– Я пришел сюда, чтобы подзарядиться позитивной энергией, – сказал он и зевнул. – По крайней мере, хоть один человек не дрыхнет, когда я работаю.

Он огляделся, подошел к стеллажу, достал несколько

книг, посидел для пробы на диванах и протестировал компьютерную систему. Когда София продемонстрировала, как можно скачивать и заказывать книги, он удовлетворенно кивнул. Больше всего порадовался, увидев заставку для мониторов, – фотографию главного здания усадьбы с ним самим на переднем плане. Поверху София выложила его девиз: «Мы идем земным путем».

Освальд долго смотрел на фотографию, одобрительно нахвистывая, а потом хлопнул ладонью по столу. «Чертовски красиво!» – такова была его окончательная оценка. Он еще раз прошелся вокруг – и внезапно оказался позади нее. Положил руки ей на плечи и начал массировать большими пальцами лопатки. Скользнул руками вверх, нащупал чувствительную точку на затылке и принялся медленно ее растирать.

– Ты превзошла саму себя, – произнес он. – Ты, маленькая жемчужина, которую я подобрал на лекции... Посмотри на это место! У тебя отличное чувство стиля, София.

У нее перехватило дыхание. Она стояла совершенно неподвижно, не смея даже набрать воздуха, – ведь тогда пылающий внутри нее огонь распространился бы до его пальцев, и он почувствовал бы, насколько она возбуждена. Освальд наклонился и подвел свою голову настолько близко к ее голове, что его щетина царапала ей щеку.

– Отдохни сегодня, ты это заслужила, – прошептал он ей в ухо.

Затем провел рукой вниз вдоль ее позвоночника и чуть приобнял ее за талию. София почти не почувствовала, когда его руки соскользнули с ее тела; кожа продолжала гореть от его прикосновения. Она лишь услышала его шаги, когда он покидал библиотеку.

София осталась стоять, не в силах заставить тело пошевелиться.

«Почему он так прикасается ко мне? – думала она. – Он меня дразнит или это совершенно нормально? Дружеский массаж усталой спины... Может, я просто чересчур чувствительна? Вероятно, он просто рад, что я хорошо себя проявляю... Благодарен за то, что кто-то здесь выполняет свою работу...»

Тут она вспомнила, что Освальд только что освободил ее на остаток дня.

* * *

Остальные по-прежнему спали, когда София прокралась в спальню, достала рюкзак и заполнила его всем, что ей требовалось на день. Несмотря на запрет, она решила забрать из отделения для персонала мобильный телефон. Весь офис пребывал в спячке, с опущенными жалюзи. София открыла в шкафу для личных принадлежностей свой ящик и сунула телефон и зарядное устройство в карман.

Когда она вышла во двор, солнце уже начинало вставать.

Полное отсутствие ветра. На небе ни облачка. День обещал быть прекрасным.

София вернулась в библиотеку, сварила себе кофе и поставила телефон на зарядку. Кофеварку ей подарил на Рождество Бенъямин, поэтому теперь не приходилось постоянно бегать к маленькому киоску, где сотрудники могли покупать кофе, а также мыло и шампунь.

Пока телефон заряжался, София опустилась в самое удобное кресло и пила кофе из самой большой чашки. И думала об Эллисе. Почему, она не знала, просто в голове внезапно всплыли воспоминания о нем. Она подумала, что он, возможно, уже нашел себе другую. Какую-нибудь несчастную женщину, которая не знает, что ее ждет...

София взяла телефон и послала эсэмэску Вильме.

«Сегодня свободна. Как у тебя?»

Она решила воспользоваться велосипедом Эльвиры, поймав, что та наверняка не стала бы возражать. Быстро поехала к лодочным сараям на западной стороне острова, сделала несколько снимков с пристани и послала Вильме вместе с новым сообщением:

«Соня, ты проснулась?»

Ответ пришел почти сразу.

«Отличные снимки! В.»

На Вильму было не похоже отвечать настолько кратко; значит, что-то не так.

«В чем дело?»

Ответа не последовало. София немного подождала. Сняла туфли и носки, макнула пальцы ног в ледяную воду. Набрала номер Вильмы.

– Я знала, что ты позвонишь!

– Что случилось?

– Не дергайся, просто мне явился твой мучитель.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Я столкнулась на улице с Эллисом. Он держался крайне неприятно. Сказал, что знает, что ты вступила в эту проклятую секту и что он тебя уж как-нибудь оттуда вытащит. Грозился все там спалить и угрожал разными другими ужасами.

София внезапно почувствовала, что у нее пересохло во рту. Из живота стала подниматься знакомая тошнота, связанная с Эллисом.

– Господи! Но что он может сделать?

– Ничего. Я просто не хотела тебя волновать.

Они еще немного поговорили, пока София не начала расслабляться.

Но после разговора она по-прежнему ощущала растерянность. День уже не казался ей таким прекрасным. Хотелось домой. Нахлынула тоска по родителям, друзьям и Лунду по тому, как все было до Эллиса.

Она позвонила маме и долго с ней разговаривала. Потом съела в деревне бутерброд на ланч. Погуляла, удивляясь тому, как пусто всюду в низкий сезон. Решила поехать на велосипеде на видовую площадку, позагорать и почитать кни-

гу, которую взяла в библиотеке. Однако, когда она доехала до торфяника, ее поманил домик. Захотелось взглянуть на него, посмотреть, как он выдержал шторм и зиму.

София открыла калитку и вошла на участок. Тут ей показалось, будто что-то изменилось. Поначалу все выглядело как обычно: полная листьев старая тачка, цветочные горшки на траве... Но вдруг она уловила угловым зрением какое-то движение и заметила, что гамак раскачивается. В нем сидела одетая в черное женщина.

– О, здравствуй, София! – произнесла она ясным и четким голосом.

У женщины были длинные темные волосы, расчесанные на прямой пробор. Выглядела она лет на сорок; глубокие морщины вокруг глаз и рта, загорелая грубая кожа, большие глаза миндалевидной формы. Одета в длинную черную юбку и черную блузу с широкими рукавами.

– Простите, я не хотела вторгаться...

– Конечно, хотела! – решительно заявила женщина. – Ты уже бывала здесь раньше.

Она встала, и София увидела, какая она высокая. Высокая, крепкая, но не толстая. Подошла к Софии и пожала ей руку.

– Карин Юханссон, хозяйка этого домика.

– Откуда вы знаете, кто я?

– Я видела тебя осенью, вместе с твоим парнем. Вы как раз вышли из дома. Я ненадолго приезжала, чтобы проверить

все перед зимой, и, видимо, забыла запереть входную дверь. Я видела, как вы выходили. Поначалу подумала, что вы – воры, но вы ведь ничего в доме не тронули. Тогда я навела справки в магазине; там вас знали. Они сказали: «Это София и Бенъямин из секты, что в усадьбе». И вот теперь ты здесь...

Щеки Софии вспыхнули. Она искренне надеялась, что Карин не смотрела на них в окно.

– Я не сержусь. Даже хорошо, что кто-то иногда присматривает за домом. Хочешь чашечку кофе?

– С удовольствием.

Домик воспринимался по-другому, когда в нем жили. Его собственный запах сменился на запах еды и аромат свежесваренного кофе. Пока Карин доставала чашки, София села за маленький кухонный стол.

– Меня всегда интересовало местоположение этого домика, – сказала София. – Сюда не ведет ни дорога, ни тропинка.

– Это старый домик. Он принадлежит моей родне вот уже сто пятьдесят лет. Они когда-то были рыбаками. Раньше отсюда в деревню шла грунтовая дорога. Когда граф построил усадьбу, мои родичи стали работать там слугами. Потом для слуг построили жилье, и они переехали туда.

Но домик мы все время сохраняли. А без регулярного использования грунтовые дороги исчезают. Зарастают травой.

Карин налила кофе, поставила на стол блюдо с булочками и уселась напротив Софии. Глаза у нее были настолько темно-синими, что казались черными. Вокруг рта пролега-

ли разного размера морщинки, свойственные любителям по-смеяться. Нос был длинный и слегка загнутый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.